

ОДНАЖДЫ В ПАРИЖЕ

А. ПЛЕЩЕЕВА
А. ФЕДОТОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Дарья Плещеева
Дмитрий Станиславович Федотов
Однажды в Париже
Серия «Исторические
приключения (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11008542
Однажды в Париже: Вече; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-7857-8

Аннотация

Франция XVII века – это куртуазность и дуэли, балет и театры, заговоры против короля и кардинала и войны за передел Европы. Аккурат под Рождество 1632 года произошло одновременно два незначительных события: в Париж прибыла английская графиня Карлайл, а французское посольство привезло из далекой Московии в подарок своему королю кота сибирской породы. Король отдал животное кардиналу – большому ценителю кошек, а леди Карлайл легко вошла в круг парижского бомонда. И казалось, ничто не предвещало неприятностей, если бы в одну февральскую полночь лейтенант гвардейской роты Анри де Голль не услышал скабрзные куплеты в адрес его высокопреосвященства, а поутру не пропал новый любимец Ришелье – сибирский кот Портос!..

Содержание

Пролог, в котором графиню Карлайл посещает таинственный незнакомец	5
Глава первая, в которой лейтенант де Голль получает тайное задание от «серого кардинала»	26
Глава вторая, в которой похищают любимого кота его преосвященства	52
Глава третья, в которой лейтенант де Голль становится многообещающим поэтом	78
Глава четвертая, в которой лейтенант де Голль продолжает поиски зловредного куплетиста, а находит нового друга	104
Конец ознакомительного фрагмента.	113

**Дарья Плещеева,
Дмитрий Федотов
Однажды в Париже**

© Плещеева Д., Федотов Д., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

* * *

Пролог, в котором графиню Карлайл посещает таинственный незнакомец

Несколько мгновений не могла понять, что же разбудило ее – то ли порыв теплого ночного ветра, ворвавшийся в спальню и взметнувший полог над ложем, то ли голос во сне. Люси приоткрыла глаза – тонкий шелк действительно слегка колыхался, по чуть-чуть пропуская внутрь свежее дыхание августовской ночи.

Август!.. Господи, сегодня же ровно четыре года, как не стало *его* – единственного из многочисленных любовников и покровителей, который по-настоящему ранил сердце Люси. Ранил и предал! Неотразимый мерзавец, первый герцог двора его величества Джордж Вильерс Бэкингем... Так вот кто ей приснился, и с того света не дает покоя!..

Сон пропал окончательно. Люси посмотрела через плечо на разметавшегося совершенно по-детски и сладко посапывающего Фердинандо. Мальчишка ведь еще, но какой превосходный любовник! При воспоминании о том, что он с ней проделывал несколько часов назад, у Люси сладко заныло внизу живота. Она совсем уже было решила разбудить юношу, но вдруг передумала.

Мальчик еще не привык к своей роли. Все-таки десять лет

разницы в возрасте запросто могут отпугнуть его, особенно если проявить излишнюю любовную активность. «А рисковать я не могу – и так слишком времени и сил потратила, пока приручила этого шотландского жеребца. Как бы не удрал! Нужно все делать не торопясь, тогда денежки его отца, графа Хантингдона, в будущем будут долго и исправно перетекать в мои руки...»

«Кстати, о деньгах, – пришла неприятная мысль. – Будущие доходы – это, конечно, хорошо, но ведь и сейчас жить на что-то надо!»

Люси вздохнула, поняв, что от очередного унижения – слезливого письма законному супругу, графу Карлайлу, не отвертеться. И лучше покончить с этим прямо сейчас, не откладывая, чтобы не портить себе настроение на весь следующий день.

Она осторожно выскользнула из-под набитого невесомым лебяжьим пухом одеяла, облачилась в роскошный венецианский пеньюар из нежно-зеленого бархата прямо на голое тело и домашние мягкие туфли такого же цвета и направилась в кабинет.

Однако просидела не менее четверти часа, прежде чем взялась наконец за перо. Письмо не складывалось. Следовало подойти к неприятной теме осторожно, деликатно, издали, как полагается образованной светской даме. Но какая, к черту, деликатность, если впору завопить, как торговка рыбой с рынка Боро:

– Деньги кончились, немедленно пришлите денег!

Жизнь в Лондоне дорогая, и муж, казалось бы, должен это понимать. Но графу Карлайлу, похоже, все равно, на какие средства живет супруга. Сидит себе в охотничьем поместье где-то за Оксфордом, зазвал туда пару старых приятелей и развлекается тем, что разводит спаниелей. И это – бывший посланник его величества короля Карла при французском дворе!

Как же вышло, что у графа Карлайла испортились отношения с нынешним королем? Люси задумалась: она как-то проворонила тот момент, когда еще можно было что-то исправить... Более двадцати лет Джеймс Карлайл был фаворитом покойного короля Иакова Стюарта. Монарх оплачивал его долги, щедро жаловал ему престижные должности при дворе, подыскал богатую невесту, посылал с важными поручениями во Францию и германские княжества. Граф привык жить на широкую ногу. Когда же, овдовев, он женился на Люси Перси Хэй, то и ее к тому же приучил.

И что в итоге? Сперва, после коронации Карла, все шло по-прежнему, граф даже был послан с важным заданием в Лотарингию и Пьемонт – тогда юный король, во всем следуя политике покойного отца, хотел настроить их против кардинала Ришелье. Кто и что наговорил там драгоценному супругу?.. Люси не знала. Помнила только, как, вернувшись, Джеймс посоветовал королю заключить мир с Испанией и начать военные действия против Франции. И это по-

сле позора под Ла-Рошелью! Неудивительно, что к такому «мудрому совету» юный Карл не прислушался, а умные люди при дворе намекнули, что лучше бы достопочтенному лорду не заниматься делами, в которых он ничего не смыслит... Супруг немедленно надулся и удалился к себе в имение, совершенно позабыв, что в Лондоне у него проживает законная супруга – молодая, полная сил женщина, и ей-то в высшем свете как раз все рады!

Деньги нужны, очень нужны деньги!.. Лечь в постель со знатным кавалером – это же огромная прореха в кошельке у дамы! Это – дюжина новых платьев, драгоценности, о которых всему свету известно, что они куплены, а не взяты напрокат. Это – батистовое белье, наконец. При мысли, сколько берут вышивальщицы за самую скромную сорочку, волосы встают дыбом! А еще ведь нужно обновить свой винный погреб, сделать запас шоколада и пряностей. О таких мелочах, как отороченное кружевом постельное белье и ароматические свечи, уже и речи не идет.

Но пока кошелек пуст, а список долгов – длиной в милю. Портным, ювелиру, торговцам, тем же вышивальщицам... И когда еще расходы Люси начнет оплачивать этот пылкий жеребец, что сейчас безмятежно сопит в ее постели? Вдобавок и роман их – тайный, а значит, Фердинандо даже не может открыто делать Люси подарки! В общем, пока суть да дело, надо как-то выкручиваться.

Белый лист ждал разумных слов. И Люси наконец обмак-

нула перо в чернильницу.

«Сэру Джеймсу Хэю, графу Карлайлу, моему супругу...» – вывела она в правом верхнем углу листа и задумалась. Писать изящные записки придворным она умела, а вести переписку с мужем, от которого нужны деньги и только деньги, – нет. А ведь когда-то, чуть ли не двадцать лет назад, она была им очень увлечена. И хранила верность довольно долго, целых четыре года, пока ее не сбил с толку милорд Страффорд, только что похоронивший молодую жену, умершую от лихорадки. А потом появились другие...

Люси вздохнула: в сущности, из всей этой яркой и разноликой плеяды лишь герцог Бэкингам стал для нее настоящей первой любовью. С ним она испытала и восторг, и острую ревность, и... яростную радость при известии о его смерти.

А этот мальчик... Надо будет при случае аккуратно поспрашивать во дворце, почему Генри Гастингс, граф Хантингдон, глава Северного совета Англии, дал сыну имя Фердинандо. Совершенно испанское имя, но на испанца этот шотландский жеребчик не похож ни в каком отношении. Мордашка, конечно, миловидная, но того всевластного обаяния, которое привлекало к милорду Бэкингаму всех – и мужчин, и женщин – нет и в помине. В Джордже пылало некое внутреннее пламя, и на этот призывный, опасный свет все летели, как ночные бабочки. А Фердинандо хорошо сложен, немного полноват, но не обделен мужской силой и страстью; когда-нибудь он станет хорошим мужем и отцом многочис-

ленного семейства, но не более того. Стремления ввысь пока не замечено. Как будто мальчик решил, что немалых папиных денег вполне достаточно для счастливой жизни.

Иная женщина, пожалуй, могла бы в него влюбиться. Но только не Люси!.. Как прикажете любить молодого человека, в котором нет главного – стремления к жизни, полной риска, отваги и побед? Такой вряд ли добьется приличного положения при дворе, больше надеясь на отцовскую протекцию. Спать с таким еще можно, любить же такого – сложно...

И как же угнетает необходимость все проделывать тайно! При французском дворе дамы открыто заводят любовников, а Лондон захлестнула невесть откуда взявшаяся, новомодная высокая нравственность. Король верен королеве, королева верна королю, и на этом основании от всех придворных также требуется супружеская верность. Просто уму непостижимо!..

Но как же все-таки перейти к вопросу о деньгах?

Если бы речь шла о деньгах на хозяйство, Люси послала бы миссис Уильямс продать одно из старых платьев, или кружева, или порядком поднадоевший жемчуг. Но денег требовалось очень много. Мало ей было долгов, так Люси еще заказала свой портрет Энтони ван Дейку¹. Проклятый мазила берет бешеные деньги, а заказывать кому-то друго-

---

¹ Энтони (Антон) ван Дейк (1599–1641) – фламандский живописец и график, мастер придворного портрета и религиозных сюжетов в стиле барокко. С 1632 года – придворный живописец короля Карла I.

му просто неприлично, весь двор торчмя торчит в его мастерской. Еще бы – любимчик его величества! Не иметь собственного портрета работы ван Дейка теперь просто неприлично – моментально станешь при дворе общим посмешищем. А если вовремя не заплатить мазиле за портрет, тем более засмеют...

Впрочем, деньги на хозяйство все равно постоянно требуются. Так что пусть его светлость граф Карлайл припомнит, *что* из его прежних владений еще не продано и не отдано в заклад!

– Господи, сжался надо мной и пошли мне толику денег! – сказала Люси, бросив взгляд на каминную полку, на которой в одиночестве ожидала своей участи китайская ваза, расписанная драконами и цветами, и переведя взор вправо, на распятие. – Господи, всего-то тысячу... нет, полторы... лучше две тысячи фунтов. И мне бы не пришлось унижаться перед лордом Карлайлом! А потом обо мне позаботится Фердинандо. Я с ним справлюсь, Господи... И ведь мне же еще людей моих кормить надо – прислугу, кучера, лошадей...

Распятие ответило вспыхнувшим на бронзовом колене Спасителя бликом от свечи. И сразу скрипнула дверь.

– Что тебе, Уильямс? – спросила Люси, не оборачиваясь. Пожилая кормилица, верная и надежная, как стены Тауэра, стояла в дверях.

– К вашей милости какой-то господин. Стоит внизу, твер-

дит, что дело важное.

– Что за господин? Мы его знаем?

– Чужой. Шляпа надвинута на самый нос, сам – в черном.

– Он что, не представился?

– Нет, миледи. Сказал, его имя для вас ничего не значит.

– Может, он письмо принес?

– Я спрашивала. Говорит, должен вас видеть.

– Ну так скажи: пускай завтра днем приходит. Сейчас не время для визитов. Во всяком случае, для визитов чужих людей...

Люси невольно улыбнулась: сколько раз старая верная Уильямс именно в такую пору приводила к ней в спальню господ, по уши закутанных в плащи! Вот и этой ночью тоже...

– Твердит, мол, очень нужно вас видеть, его к вам послали, миледи. Дело, говорит, большой важности. Речь о немалых деньгах...

– О деньгах? Любопытно.

Люси была практически раздета – пеньюар не в счет. При мысли, что опять придется влезать в корсаж, затягивать шнуры, она поморщилась. Впрочем, не все ли равно, какой ее увидит чужой господин? Он должен понимать, что дамы, собираясь ложиться в постель, не надевают придворных туалетов.

– Помоги-ка, Уильямс, – сказала Люси и, с помощью кормилицы скинув пеньюар и набросив сорочку, споро надела пышную, отделанную кружевом, нижнюю юбку. Затянув

шнурок, Люси велела подать атласную утреннюю накидку прелестного персикового цвета. Завязав шнуры на груди, она чуть развела полы накидки – чтобы была видна ложбинка. Сделала она это неосознанно, машинально, как проделывала много раз.

– Уильямс, разбуди Джона, пусть придет, постоит в углу за дверью. Принимать неведомо кого наедине я не могу. И ты тоже будь рядом.

– Как вам будет угодно, миледи.

Человек, которого привела кормилица, действительно оказался незнакомцем, и в придачу дурно воспитанным. Он еще целую минуту топтался в дверях кабинета – раздумывал, снимать или не снимать в присутствии дамы шляпу! Шляпа, кстати, многое сказала о владельце – простая, черная, с высокой тульей, без пера, с одной только лентой и скромной пряжкой. Шляпа – простолюдина, неуклюжая повадка – простолюдина. Под плащом из бурого сукна, очевидно, обнаружится куртка-дублет из черного сукна; возможно, даже без самого скромного белого отложного воротничка. Штаны – черные, шерстяные чулки – серые, башмаки – черные. В общем, унылое зрелище.

– Кто вас прислал? – строго спросила Люси, надменно выпрямившись в кресле. – И по какому делу?

– Меня не присылают. Я сам иду туда, куда мне надо, – весьма дерзко и грубо ответил гость. Однако голос его показался Люси немного знакомым – мягкий и даже певучий.

Интересно, откуда?.. Впрочем, такой выговор почти у всех шотландцев.

– Неприлично оставаться в присутствии знатной дамы в головном уборе, – не удержалась от замечания Люси.

– А вот тут вы правы, миледи, – усмехнулся гость и снял шляпу. Но не размашистым жестом, как кавалер, что кланяется даме, а просто – как будто вернулся домой и отдает головной убор лакею.

В дрожащем свете тройки свечей Люси увидела смуглое лицо с высоким лбом, небольшим прямым носом, впалыми щеками и выдвинутым вперед подбородком. Довольно длинные темные волосы с проседью почти достигали плеч. На вид мужчине было лет около пятидесяти.

– Боже мой, милорд! – воскликнула Люси, признав посетителя. – В такое время, переодетый...

– Не имел желания вредить вашей репутации, миледи, – развел руками Джон Элфинстоун, лорд Балмерино. – Отосплите слуг, что топчутся за дверью. Нам предстоит важный разговор.

– Благодарю... – только и смогла прошептать в растерянности Люси.

В самом деле, ночной визит *такого* гостя мог обернуться и крупными неприятностями, и... большими предпочтениями.

Для Люси явилось полной неожиданностью, что Элфинстоун в Лондоне. По здравому размышлению, этому сму-

тъяну следовало бы прятаться где-нибудь в горах Шотландии – затаиться там, как мышь в норе, и больше не рисковать жизнью ради каких-то непонятных тонкостей богослужения. Но, разумеется, дело было не только в церковных нововведениях.

Лорд Элфинстоун был прирожденным бунтовщиком – бунтовщиком по праву рождения. Его отец, сэр Джеймс, только чудом умер своей смертью, ибо его собирались не просто казнить, но четвертовать за очень подозрительную переписку с самим папой римским. Сэр Джон встал во главе дворянской оппозиции, когда король Карл взялся переделывать привычную шотландцам пресвитерианскую церковь на англиканский лад.

Есть вещи, которые трогать нельзя. Просто нельзя. И опытные политики знают: король может повышать налоги, король может затевать войны, король может завести целый гарем – его народ поворчит, посмеется, поплачет, но не встанет на дыбы, как бешеный жеребец. А вот вмешаться в привычное богослужение, изменить в нем хотя бы строчку, хотя бы слово, уже опасно! За право молиться Богу по-своему народ будет сражаться всем, что под руку подвернется.

Шотландская церковь немало позаимствовала у кальвинистов. По сути, она с 1581 года и была кальвинистской, затем – пресвитерианской. Но королю Карлу захотелось утвердить в своих владениях единую церковь – англиканскую. Она, даже если отвлечься от его искренней веры, была ему

необходима. Англиканское учение освящало и подтверждало абсолютную власть и права епископов и короля.

Карл перепробовал все – от угроз до подкупа. Но шотландские священники упорно сопротивлялись, как могли. Ну, где же! Король гнул свою линию: предлагал сговорчивым высокие церковные должности, а несговорчивых упрямец изгонял. Противостояние длилось не первый год, и все это уже определенно пахло бунтом...

Аккурат два года назад Джон Элфинстоун подбил шотландское дворянство написать королю петицию. Горцы в очередной раз выразили недовольство церковными нововведениями, усилением власти англиканских епископов в Шотландии и упрекнули короля в том, что он повлиял на исход выборов в парламент. Результат был предсказуем: Карл вообще отказался рассматривать эту петицию, а главного затейника арестовал по обвинению в государственной измене. Год назад королевский суд приговорил было Элфинстоуна к смерти, но шотландцы так возмутились, что король оказался вынужден помиловать мятежного лорда.

Менее всего Люси хотела, чтобы при дворе узнали об этом ее ночном госте. Она терялась в догадках об истинной цели столь необычного визита, однако же нашла в себе силы задать правильный вопрос:

– Зачем же вы здесь, милорд?

– Я пришел предложить вам деньги, – без обиняков сказал шотландец. – Две тысячи фунтов стерлингов, думаю, будут

вам не лишними.

– О Боже, за что?! – против воли вырвалось у Люси.

– За услугу, конечно. – Фраза прозвучала двусмысленно, поскольку лорд Балмерино при этом весьма цинично усмехнулся.

– Что же это за услуга? – Люси поджала губки, хотя и сделала легкое движение плечом, отчего тонкая ткань накидки разошлась на ее высокой груди еще больше.

Циничная ухмылка шотландца превратилась в похотливую, но лишь на мгновение.

– Для начала, миледи, вам придется отправиться во Францию, в Париж, – начал он голосом, не терпящим возражений. – По прибытии вы должны будете возобновить многие ваши парижские знакомства. Я знаю, что когда вы жили там с вашим супругом, графом Карлайлом, у вас набралось достаточное число приятельниц и поклонников при дворе короля Людовика...

– Да... – демонстрируя полную покорность, Люси вздохнула и слегка склонила голову, открывая на обозрение свою точеную лебединую шею.

Элфинстоун же невозмутимо продолжил:

– Среди этих приятельниц и поклонников наверняка найдутся люди, которые нуждаются в деньгах... хотя бы один человек...

Он выразительно замолчал.

– Да, деньги лишними не бывают... – закашлявшись

от волнения, проговорила Люси.

– Замечательно, если таковым окажется человек, приближенный к его королевскому величеству.

– Допустим...

– И этот человек наверняка согласится за деньги оказать некоторую услугу...

– Не согласится. – Люси почти горделиво вскинула голову и прямо посмотрела шотландцу в глаза. – Вы забыли про его преосвященство. Кардинал Ришелье не слишком задумывается, когда нужно кому-то отрубить голову.

– Вы правы, миледи. Трудно забыть про этого господина, – кивнул Элфинстоун. – И все же ваши прирожденная ловкость и незаурядный ум, верю, могут сотворить чудо.

– Чудо стоит дороже, чем две тысячи фунтов.

Люси уже совершенно успокоилась: идет обычный торг, деньги за услугу, а деньги-то как раз ей необходимы позарез. К тому же прокатиться за казенный счет в милый сердцу Париж, да еще и заработать на этом!.. *Purquoispas*², как говорят французы.

– Именно это чудо стоит не более двух тысяч, миледи, – между тем холодно парировал шотландец. – Вы ничем не рискуете. Всего лишь переговоры, всего лишь согласие...

– Повторяю, милорд, кардинал очень осторожен. – Люси моментально превращалась в норовистую кобылку, едва речь заходила о больших деньгах. – Если он заподозрит,

---

² Почему бы нет (*фр.*).

что я, к примеру, – посредница между придворными особами и матушкой его величества, живущей сейчас, кажется, в Брюсселе...

– Да, после того, как ее заговор против кардинала провалился, именно там она и изволит пребывать.

– ...или, не дай бог, между королевой Анной и ее подружкой, этой прирожденной интриганкой де Шеврёз, живущей сейчас, по-моему, где-то в Турени...

Юную королеву Анну Люси откровенно не любила, а ее наперсницу, герцогиню де Шеврёз, так просто ненавидела. Пока Джордж был жив, эта искушенная интриганка с завидным упорством сводила французскую королеву и Бэкингема и, будь ее воля, – уложила бы герцога в постель к Анне, да еще и сама бы туда забралась! Люси была почти убеждена в этом.

– Королеву Анну подозревают в тайной переписке с ее братом, испанским королем, – терпеливо, как нерадивой ученице, объяснил Элфинстоун. – Если там и готовится заговор, то вряд ли английская леди, приехавшая в Париж развлечься и обновить гардероб, окажется причастна к нему. Это его преосвященство наверняка понимает. Франция и Англия сейчас в хороших отношениях, так что вам ничего не угрожает, миледи.

«Да, – подумала Люси, – если считать Англию цельным государством, в котором все города и все окраины заодно. И если забыть о Шотландии... Стало быть, шотландские лор-

ды опять что-то задумали. И теперь они ищут поддержки у своих давних врагов, французского дворянства? Но для чего?! – Люси усмехнулась. – Все это очень и очень любопытно. Любопытно и... опасно! А что, если за лордом Элфинстоуном следят?...»

– Боюсь, что угрожает, – задумчиво сказала она вслух и снова соблазнительно улыбнулась и повела плечиком. – Даже не знаю, соглашаться ли мне...

– Соглашаться, – без обиняков отрубил шотландец, сверкнув глазами. – Это в ваших же интересах, миледи. Вы, конечно, можете отказаться и остаться в Лондоне, но тогда граф Хантингдон непременно узнает о шалостях своего горячо любимого сына. Да и весь двор будет не прочь обсудить пикантные подробности вашего адюльтера. И вот вопрос: кому же в этом случае будет сочувствовать двор – неопытному молодому человеку или немолодой... интриганке, заманившей его?

– Я вас не понимаю, милорд! – почти искренне возмутилась Люси. – Что за грязные намеки?! Да как вам не...

– Что ж, давайте сейчас заглянем на минуточку в вашу спальню, миледи, – холодно парировал Элфинстоун, – и посмотрим, кто же спит в вашей постели?

Он сделал два шага к двери, ведущей в спальню. Люси вскочила, сжав кулачки.

– Не смейте!..

– Что это вы так забеспокоились? – Шотландец откровен-

но ухмылялся. – Поверьте, я много раз видел и просто спящих мужчин, и даже мужчин, занятых с женщинами амурными шалостями... Соглашайтесь, миледи. Деньги, кстати, я принес.

– А... если я все же не соглашусь?

– Тогда вот что я вам скажу, миледи. Вы ведь и сами догадались, что в Шотландии многие очень недовольны королем Карлом. Шотландия – как охапка очень сухой соломы, достаточно одной искры, чтобы вспыхнул огонь. Но его величество женат на сестре французского короля Людовика. И потому он вполне может рассчитывать на поддержку Франции почти в любой щекотливой ситуации, в том числе и в споре о будущем Шотландии. А мы, шотландцы, не желаем, чтобы он на эту поддержку рассчитывал.

Лорд Элфинстоун замолчал, и желваки на его широких скулах заметно напряглись. Люси же молчала – ни жива ни мертва. Она ведь даже не предполагала, что дело с мятежом против короля Карла зашло так далеко!

– Нам нужен надежный человек в Париже, – жестко продолжил Элфинстоун, – который поссорит Людовика с его преосвященством или, по крайней мере, сумеет настолько охладить их отношения, что монарх перестанет прислушиваться к советам старого интригана! Сейчас-то они заодно, к тому же французский король не слишком озабочен государственными делами. А вот когда поссорятся, в игру тут же вступит королева-мать, сильно обиженная сыновней нелю-

бовью. Возможно, даже тайно явится из Брюсселя. И королева Анна непременно даст знать о ссоре своему братцу, королю испанскому, а уж пресловутая мадам де Шеврёз немедленно начнет вербовать новую когорту врагов кардинала. И тогда Парижу станет не до лондонских дел. – Лорд снова помолчал. – Теперь вы знаете план всей интриги, миледи. И если откажетесь от моего поручения, мне останется лишь одно – убить вас.

Люси судорожно сглотнула. Она вдруг со всей ясностью осознала: Элфинстоун легко и изящно загнал ее в ловушку. Графиня бросила на него невольный взгляд и еще раз внутренне содрогнулась. Шотландец откровенно усмехался.

Теперь, что бы Люси ни предприняла, выбор оставался неизменным: или позор, или смерть. А скорее всего – и то и другое. Заполучить во враги лорда Хантингдона... Ох, лучше сразу мушкетную пулю в лоб!..

– Я должна подумать! – Люси все же нашла в себе силы на строптивый ответ.

– Вы умны, миледи, – кивнул Элфинстоун. – Вы уже поняли, что нужно соглашаться. Но если вам угодно, садитесь и думайте. Я подожду. И вот еще вам в качестве пищи для ума: если надеетесь, что про ваше милое приключение с Фердинандо знают только слуги, то ошибаетесь. У меня, например, есть ваши записки к нему. Весьма остроумные записки, надо заметить. Уже по одной этой детали легко опознать автора. А вы даже не позаботились изменить почерк да

еще поставили свои инициалы!

– Лорд Элфинстоун – шантажист, – звонким от гнева голосом произнесла Люси. – Этого следовало ожидать.

– Политика, миледи, просто политика. Занятие не для ангелов. Но очень увлекательное занятие!..

– Пока не приводит к эшафоту!

– Да бог с вами, миледи! Еще не выросли деревья, из которых построят эшафот для герцогини де Шеврёз. А ведь вы намного умнее и способнее этой дамы. Обидно будет, если вы потратите свой ум и красоту на приключения с красивыми мальчишками.

«И в самом деле, – вдруг отрешенно подумала Люси, – отчего бы снова не поучаствовать в политических играх? Для дамы знатного рода – вполне достойное развлечение. Всё лучше, чем сидеть по вечерам в старом чепчике, проверяя счета от зеленщика и бакалейщика, а потом кричать на кухарку из-за недостачи двух пенсов...»

Видимо, шотландец догадался, о чем думает леди Карлайл. И положил на стол увесистый кожаный мешочек.

– Тут пятьсот фунтов, – сказал он. – Этого хватит, чтобы собраться в дорогу, доехать до Парижа и снять там приличный дом. Не спорьте, миледи! Я умею считать деньги и знаю парижские цены. Остальная сумма будет ждать вас в Париже.

– Еще пятьсот. – Люси нахально посмотрела Элфинстоуну прямо в глаза. – Я заложила свои драгоценности. Я не могу ехать в Париж без драгоценностей! И у меня огромные дол-

ги, – строптиво добавила она. – Вы должны их оплатить.

Она имела в виду, кроме давних долгов, и собственный портрет работы ван Дейка – замечательный портрет, между прочим, который она просто была обязана выкупить, иначе моментально стала бы при дворе посмешищем.

– Хорошо. Еще пятьсот вам принесут утром...

– Тысячу!

– Тысячу... Значит, мы договорились?

– Нет. Долги и плюс две тысячи!

– Если дама торгуется, значит, она на все согласна! – оскандился шотландец. – Хорошо. Долги и две тысячи. Теперь договорились?

– Теперь – да, – помолчав, сказала Люси. – Когда я должна отправиться... в изгнание?

– Ну-ну, миледи! К чему такие мрачные шутки? Я во все не чудовище, как читаю это в ваших прекрасных глазах, и прекрасно понимаю, что вам нужно... закончить некоторое женские дела и собраться. – Элфинстоун возвел глаза к потолку. – Думаю, что ваше появление в Париже к Рождеству будет в самый раз!

– Слушаюсь, монсеньор, – криво усмехнулась Люси.

И поняла, что без портрета в дорогу не поедет. Чертов фламандец умел сделать красавицу из любой женщины. Люси было жизненно необходимо каждый день видеть свое лицо пленительным и прекрасным, а в глазах – неперемное торжество победительницы. Одеваясь и причесываясь, на-

кладывая белила и румяна, чтобы наносить визиты, она желала смотреть и в зеркало, и на портрет, чтобы добиваться истинного сходства. Она страстно желала снова быть той, кому посвящали стихи лучшие поэты Лондона – Томас Карью, Уильям Картрайт, Роберт Херрик.

А Париж сулил немало загадочного и прекрасного. Париж слыл городом любовных безумств. И возраст там не имел ровно никакого значения!

Глава первая, в которой лейтенант де Голль получает тайное задание от «серого кардинала»

Прогулка по ночному Парижу – опасное развлечение. Особенно в одиночку. А уж человек, выбравший для променада окрестности церкви Сент-Эсташ и огромного рынка по соседству, может считаться безнадежным и неисцелимым безумцем.

Торговые ряды к ночи затихали, но тишина была мнимая. В домах торговцев, сараях и складах, окружавших рынок, бурлила загадочная ночная жизнь, и контрабандист, сбывающий галантерейщику или портному тюк кружева из Фландрии, делал вид, будто не замечает переодетого монаха, пришедшего порезвиться с двенадцатилетней девчонкой. Местные обыватели считали странным то редкое утро, когда поблизости от рынка не поднимали неведомо чей труп или не находили раненого. А уж кровавые брызги на мостовой вперемешку с выбитыми зубами или выпотрошенные дорожные мешки, лоскуты порванной одежды, забытый башмак без каблука, пряжка с чьей-то шляпы – так и вовсе дело житейское и привычные детали пейзажа.

Анри де Голль, лейтенант конной роты гвардии его высокопреосвященства, оказался после полуночи на узкой улоч-

ке, что вьется вокруг церкви Сент-Эташ, не из любви к нелепым приключениям. Он исполнял долг – долг друга и родственника.

Еще в обеденное время его кузен, виконт Эжен де Мортмар, появился на пороге комнаты де Голля, которую он снимал в доме портного Беранже на улице Святого Доменика, недалеко от Гревской площади.

– Она зовет, – сказал кузен. – Ты ведь выручишь меня?

Сие означало: любовница де Мортмара назначила ему этой ночью свидание, и кузен нуждается в вооруженном спутнике, который будет ждать его возле дома прелестницы часа полтора или два. Возможно, намного меньше – если снотворное зелье не подействует и любовнику придется удирать от яростного супруга.

– Ты всегда можешь на меня рассчитывать, – ответил Анри.

А что еще он мог сказать? Обязанность родственника и друга – стоять на часах, положив руку на эфес шпаги. Мало ли какую пакость затеет рогатый муж? Будь красавица графиней, можно было бы ждать нападения убийц с кинжалами. А супруг буржуазки скорее уж подговорит плечистых приказчиков из своей лавки, и они так отделают любовника палками, что полгода в постели проваляется...

Так что следовало вечером зайти домой и надеть поверх кожаного колета стальную кирасу, а поверх кирасы – длинный и плотный темный плащ, да прицепить к поясу длинный

кинжал, да еще отстегнуть от шляпы панаш из дорогих перьев, оставив его дома вместе с золотой пряжкой. Было еще одно дело – как следует надуть платок. Аристократ, оказавшийся на грязной парижской улице, лишь тем и спасался, что прижимал к носу платок, чтобы перебить вонь, идущую от середины мостовой. Улицы столицы мостили с таким расчетом, чтобы вся грязь стекала в середину, образуя что-то вроде сточных канав.

Связь Эжена с хорошенькой буржуазкой уже начала беспокоить Анри – она почему-то необъяснимо затягивалась. Как будто мало в Париже дам и девиц! Как будто нельзя найти себе подругу при дворе! Подругу знатную, связь с которой послужит к чести молодого дворянина.

Невольно вспомнилась герцогиня де Шеврёз. За ней тянулся хвост из любовников длиной, пожалуй, в пару лье! Красотка Мари Эме – а герцогиня была удивительно красива – не пропускала ни одного милого приключения. Вот бы такую красавицу и найти де Мортмару. Такую, да не совсем. Шевретта, как ее прозвал кардинал Ришелье, умудрялась втравливать всех своих любовников в политические интриги, кое-кому ее шалости даже стоили головы. Анри пришла в голову скандальная история с графом да Шале, имевшим несчастье влюбиться в герцогиню. Кончил граф плохо...³

---

³ Имеется в виду один из заговоров против кардинала Ришелье в 1626 году. Граф де Шале, спровоцированный своей любовницей де Шеврёз, попытался убить кардинала, но был схвачен и обезглавлен. – *Прим. авт.*

Бр-р! – де Голль невольно передернул плечами. Но есть же, в конце концов, дамы, которых не обуял бес политики... со столь же тонкими талиями и быстрыми лукавыми глазами?..

Разумеется, Анри не торчал, как монумент, у дверей дома, где в комнатухе под самой крышей красавица-буржуазка принимала кузена Эжена. Де Голль прогуливался поблизости по противоположной стороне улицы, стараясь держаться в тени, а лакей де Мортмара, Гаслен, уселся на корточках у стены и, похоже, заснул. Это было непостижимо – спать на улице февральской ночью, когда по улицам гуляет резкий и холодный ветер, когда вдруг разверзаются хляби небесные и четверть часа кряду сыплется снег, но этого оказывается достаточно, чтобы образовалась скользкая слякоть. Однако лакей, завернувшись в хороший суконный плащ, нашел, как видно, подветренное местечко.

Анри тоже начал было присматриваться к ближайшей подворотне, где заметил брошенную кем-то большую корзину для белья, которую вполне можно приспособить в качестве табурета, а пока от скуки повторял стихотворение Вуатюра, которым собирался блеснуть в гостиной Мортмаров. Там иногда появлялась, когда была свободна от дежурств, Катрин де Бордо, юная фрейлина ее величества королевы Анны. Мадам де Мортмар привечала Катрин, надеясь, что беспутный сынок наконец-то разглядит в этой милой девушке будущую супругу. А де Голль, наоборот, молился

Богу, чтобы такой беды не случилось, поскольку сам охотно бы назвал Катрин невестой.

Увы – фрейлина ее величества не могла снизойти до лейтенанта роты конных гвардейцев кардинала Ришелье по трем причинам. Во-первых, родня для того и пристроила Катрин на это место, чтобы она обратила на себя внимание богатого и родовитого жениха. Во-вторых, особы, приближенные к королеве, объявили негласную войну особам, приближенным к ее врагу, кардиналу Ришелье. Ну а в-третьих, Анри не мешало бы подняться хоть на одну ступеньку по служебной лестнице, потому что жалованья, которое гвардейцам кардинала платят регулярно, чего не скажешь о мушкетерах короля, для содержания семьи все равно не хватит.

К сожалению, сердцу не прикажешь, и Анри пытался ухаживать за Катрин с известной неловкостью истинно влюбленного человека. Она эти ухаживания принимала, не отвергала сразу, и Анри полагал в самое ближайшее время объявиться с девушкой. Конечно, она не бросится в его объятия с криком «твоя навеки!», но, может, хотя бы поставит какие-то условия и тем даст надежду исстрадавшемуся лейтенанту?..

Сонет Вуатюра был многословен и страдал вычурностью, но мода есть мода, и Анри мужественно и мрачно бормотал почти без остановки:

О дивные цветы, что манят красотой,

И круг невинных нимф, питомицы Авроры,
Создания, что давно ласкают солнца взоры
И небеса с землей прельщают красотой...

Сонету сопровождал доносившийся с рынка и от складов приглушенный шум – там, кажется, кого-то били; возможно, если учитывать здешние нравы, били за дело. Анри на всякий случай попробовал, как шпага выходит из ножен. Он не собирался драться этой ночью, но распаленные побойщем парни могли сгоряча напасть на первого встречного – просто так, чтобы покуражиться.

Шум стих. Де Голль достал карманные часы – предмет гордости – дорогие, работы лучшего парижского мастера Жосиаса Жолли, подарок матери. Как и всякие карманные часы, они ввали, то отставали на десять минут, то убегали вперед, и постоянно приходилось сверять их с большими напольными в Пале-Кардиналь. Теперь нужно было найти хоть лучик света.

Ближайший фонарь был на углу. Стеклянная коробка с горевшей внутри толстой сальной свечой, подвешенная на веревке, натянутой между домами наискось через перекресток, тихо покачивалась. Света она давала немного, и де Голль прищурился, чтобы разглядеть, куда уткнулась единственная стрелка. Если верить ей, до часа ночи оставалось минут двадцать. Значит, Анри стоял на посту никак не меньше часа.

Хотелось спать. Впору было затевать светскую беседу с Гасленом, чтобы продержаться до появления кузена.

И тут Анри услышал звон лютневых струн.

В торговых кварталах ложились спать с наступлением темноты и не имели привычки музицировать среди ночи. Особняков, где в богатых гостиных развлекались музыкой, возле рынка не строили. Серенады же в Париже так и не вошли в моду – это вам не Испания.

Лютня выводила знакомую мелодию. Анри узнал песенку, которую слышал в исполнении уличных певцов. Песня была совершенно бесконечная, безымянные авторы откликались новыми куплетами на все события. Неизменным оставался рефрен: «Год урожайный!»

Ничего удивительного в том, что нищие певцы жили возле рынка, не было. Вот только время для песен они выбрали неподходящее. Впрочем, если они сидят в кабачке, где пирует в честь удачного дельца воровская шайка, то за экую, пожалуй, будут драть глотки всю ночь.

Увертюра закончилась, и наконец незримый певец пропел хрипловатым, но верным голосом первый куплет:

Везет девицам в наши дни –
Все при любовниках они.
Господни милости бескрайни –
Год урожайный!

Анри усмехнулся. Песенка прогнала сон, стоило подой-

ти поближе и послушать, что новенького придумали певцы. Он завернул за угол. Действительно – пели в кабачке, кажется, он назывался «Шустрый кролик». Куплет неожиданно повторили совершенно ангельские голоса – не иначе, мальчишки, собравшиеся ночью в кабачке, подрабатывали еще и в церковном хоре, где их кое-чему выучили.

Ведь прежде шел за годом год,
Мужчины были точно лед.
Вдруг вспыхнули необычайно –
Год урожайный!

Молодому лейтенанту показалось странным, что мальчишки учатся петь глубокой ночью. Он подошел поближе к «Шустрому кролику», осторожно нажал на дверь – она оказалась заперта, окна также плотно закрыты ставнями. А внутри идет загадочная спевка?..

Хриплый голос снова что-то принялся втолковывать певцам, но Анри не смог разобрать слов. Однако вскоре мужчина опять запел:

А наш почтенный кардинал
Опять отцом малютке стал.
И кто же мать, и в чем тут тайна?
Год урожайный!

– Ого!.. – невольно прошептал де Голль.

Мальчишки старательно повторили куплет, но – нескладно, путая слова. Хриплый учитель тут же прикрикнул на них: – Как деньги получать, так у вас память отменная! А ну, проснитесь, дьявол бы вас побрал! Еще раз!..

Юные певцы повторили куплет. Но учитель заставил их спеть и в третий, и в четвертый раз.

То, что мальчишки учили песенку с голоса, Анри не удивило – уличная ребятня почти поголовно была безграмотна. То, что спевку устроили ночью, тоже стало понятно – днем обязательно бы нашлась добрая душа, которая не поленилась бы дотопать до Пале-Кардиналь с доносом. Смущало де Голля другое: он определенно где-то уже слышал этот хриловатый голос!..

Когда исполнители наконец зазубрили куплет, сердитый учитель перешел к следующему:

А у племянницы – гляди! –
Все ниже вырез на груди.
Грудь стала пышной не случайно –
Год урожайный!

– Вот мерзавец! – почти в голос произнес Анри, причем довольно громко, и не смог сдержать усмешку.

Весь Париж знал, что госпожа де Комбале, племянница кардинала Ришелье, – молодая вдова, которую он поселил у себя в Пале-Кардиналь и сделал своей любовницей, – с каждым годом все более углубляла свое обширное деколь-

те, так что однажды даже преподобный отец Жозеф, его «серое преосвященство», самый надежный соратник и советник Ришелье, не выдержал и съязвил: «Когда я вижу эту даму, то невольно впадаю в детство – вспоминаю свою кормилицу».

Острое словечко мгновенно разлетелось по всему Парижу...

Тем не менее вокальные упражнения показались Анри очень подозрительными: кто-то упорно и нарочно учил мальчишек скабрёзным песенкам про кардинала. Выходит, прав кузен: не народ сочиняет эти песенки, не какие-то безымянные бондари и кучера, а люди куда более образованные. Эжен, правда, заявил это, не желая признавать за людьми низшего сословия поэтических способностей. Но ведь как в воду глядел!

Пока мальчишки разучивали следующий куплет, де Голль вернулся к Гаслену. Тот действительно спал, хотя Анри и не смог понять, как это возможно в такой неподходящей позе. Он решительно потрепал лакея за плечо.

– Когда твой господин появится, отведи его немедленно к «Шустрому кролику». Я буду там, – велел Анри. – Если, конечно, он выйдет благополучно, а не так, как в позапрошлый раз...

Тогда за де Мортмаром увязался племянник супруга буржуазки, гостивший в доме у дядюшки и вздумавший выследить любовника своей молодой тетушки. Племяннику за-

ткнули рот десятью эю и предупредили: если еще раз будет замечен поблизости от церкви Сент-Эсташ, плыть ему по Сене до самого моря, по дороге кормя рыб и раков. Так что насмерть перепуганный парень даже не стал возвращаться в дядюшкин дом. Да и неудивительно после того, как тебе прокололи шею два хорошо наточенных кинжала: еще четверть дюйма – и услышал бы ангельское пение...

– Как вам будет угодно, – пробормотал заспанный Гаслен, ежась и невольно втягивая голову в плечи – коварный февральский ветер все-таки застал его врасплох и шмыгнул за пазуху.

Анри спешно вернулся к кабачку. Там как раз разучивали следующий куплет. Де Голль подкрался к окошку, чтобы в щель между ставнями постараться разглядеть господина с хриплым голосом, но увидел только очаг, в котором горело невысокое пламя. Ни единого лица, ни хоть профиля...

– Ну, кажется, теперь звучит прилично, – удовлетворенно сказал хрипый голос. – Подставляйте лапки, чертенята! И запомните: спели хором и тут же разбежались в разные стороны. Никакой другой награды не ждите, вам уже заплачено. Не то изловят вас и получите славную порку!

Звякнули монеты, мальчишки вразнобой протараторили слова благодарности, распахнулась дверь кабачка, и босоногая стайка – не меньше дюжины ребят – порскнула кто куда. Следом на пороге появился человек, закутанный в плащ. Пола плаща была перекинута на испанский лад справа на ле-

вое плечо, и нижняя часть лица оказалась прикрыта тяжелыми складками. Шляпу незнакомец низко надвинул на лоб. А лютню свою он держал под плащом.

Анри увидел, в сущности, лишь силуэт, освещенный сзади колеблющимся пламенем очага. Сейчас дверь захлопнется, и опознать обладателя хриплого голоса де Голль уже не сумеет.

– Месье! – решил он. – Кажется, мы с вами где-то уже встречались.

Де Голль надеялся хотя бы на односложный ответ, пригодный, чтобы завязать разговор. Но загадочный господин молча отступил назад и исчез – как будто растаял.

Анри понял, что незнакомец просто умеет быстро двигаться. Но все же в его исчезновении было что-то жуткое, дьявольское. Показалось, даже прозвучал короткий скрипучий смешок, а может, музыкально одаренный господин и впрямь отчего-то рассмеялся?

И тут де Голль совершил ошибку. Слыша лишь один голос взрослого человека, он самоуверенно решил, что других взрослых в кабачке нет, и подбежал к двери. Но на пороге внезапно вырос некто невысокий и щуплый, без плаща и без шляпы, и, не сказав ни единого слова, бросился на Анри с ножом.

Лейтенанту приходилось бывать во всяких переделках. В гвардию его высокопреосвященства приглашали служить лишь проверенных, закаленных в сражениях молодых дво-

рян, при этом отслуживших в армии не меньше трех лет. Анри же в свои неполных двадцать четыре года успел повоевать. Восемнадцатилетним юношей он вместе со своим отцом, Исааком де Голлем, прибыл в составе отряда ополчения из Гента под Ла-Рошель и вскоре отличился при штурме Южного бастиона. А через два года, уже возглавив гентский отряд, Анри принял участие в Мантуанском походе французской армии, поддержавшей притязания герцога Неверского на эту сильнейшую крепость Северной Италии. И вот лишь год назад де Голль приехал в Париж из Эльзаса, тоже чуть не прямо с войны. И уж кто-кто, а он-то теперь отлично знал, что такое рукопашная схватка на ночной улице. Зато его высокопреосвященство, когда госпожа де Комбале замолвила за Анри словечко, охотно согласился принять его к себе на службу и даже, два месяца спустя, пожаловал лейтенантский чин...

Увернувшись от выпада щуплого, Анри перехватил его руку с ножом и едва не выдернул из плеча противника. Тот взвыл от боли, выронил нож и отскочил в сторону. Однако праздновать победу де Голлю не пришлось, потому что на помощь щуплому из темноты вынырнул другой боец – видимо, караулил поблизости от «Шустрого кролика». Этот уже был вооружен шпагой. Анри выхватил свою, но только сделал первый выпад, как дверь кабачка, открывавшаяся наружу, сама собой захлопнулась – будто это проделала незримая рука. Остались лишь тонкие, совершенно призрачные

полоски света из щелей в ставнях.

Фехтование впотьмах – дело опасное, со спины запросто могли напасть новые враги, и потому лейтенант закричал что было силы:

– Ко мне, гвардейцы! Сюда!..

На помощь, конечно, мог прийти только один человек – Гаслен, но, как де Голль и предполагал, довольно оказалось стука подошв бегущего к кабачку лакея, чтобы смутить обоих противников и заставить их отступить. Гаслен не боец, но ведь противник об этом не знает. К тому же Эжен всегда приказывает ему брать в ночные вылазки большую и толстую палку.

Но первым примчался как раз де Мортмар, успевший выхватить из ножен свой клинок.

Зрение у кузена было как у дикой кошки, и ночной мрак его мало смущал. Похоже, его страсть к прекрасной буржуазке не была растрочена в комнатухе на чердаке, потому требовалось срочно выплеснуть остаток любым способом, и поединок оказался не самым худшим вариантом.

Помощь подоспела очень вовремя. Щуплый вновь завладел ножом и вторично кинулся на Анри. Но де Мортмар сбил его с ног, просто врезав гардой по круглому затылку, тут же перехватил второго противника де Голля, и дальше началась обычная ночная драка с сопением, пыхтением, прыжками, руганью и скрежетом клинков о кирасы. Правда, длилась она недолго. Через минуту шпага Эжена вонзилась неприятелю

в горло, и тот рухнул, захлебываясь кровью. А щуплый исчез, буквально растворился в ночи.

– Кажется, я отправил этого нахала к Вельзевулу, – с сомнением произнес де Мортмар, наклоняясь над поверженным противником.

– Идем поскорее отсюда! – Де Голль нетерпеливо потянул его за рукав. – Хотел бы я, чтобы ты нашел любовницу в более тихом квартале.

– В самом деле, нечего нам тут делать... А что это за люди, Анри?

– Понятия не имею. Я прохаживался, чтобы не пустить корни у дома твоей прелестницы и не зазеленеть, как каштан в мае. И тут из темноты налетели эти двое. Наверно, грабители? – Де Голль покосился на покойника. – Досадно... – пробормотал он.

– Туда мерзавцу и дорога! – отмахнулся де Мортмар. – А что ты, собственно, имеешь в виду?

– Было бы неплохо задать этому месье парочку вопросов.

– Поздно, мой дорогой. Гаслен!.. Пошли. Мы еще успеем немного поспать до утренней мессы. Матушка требует, чтобы я непременно ее сопровождал. А после такой ночи, пожалуй, именно это требуется для спасения моей грешной души! – Эжен хохотнул. – Любовь и смерть – прямо тебе трагедия покойного Арди!.. Черт!..

Де Мортмар поскользнулся, и Анри еле успел подхватить его под локоть, не то красавец и щеголь, для встречи с лю-

бовницей вырядившийся в лучший пурпуэн и штаны, съехал бы по мокрым камням прямо в канаву.

– Я тебя провожу, Эжен, – предложил де Голль, – но не останусь. Дома спать как-то привычнее. К тому же к десяти часам мне заступать на дежурство в Пале-Кардиналь...

– Ох уж эта служба! – снова развеселился кузен. – Ты так ею дорожишь, что совсем не оставляешь себе времени на развлечения. Это неправильно, друг мой! Мы молоды, полны сил и здоровья, нравимся женщинам. Так надо пользоваться этим богатством, пока оно от нас не отвернулось!..

– Я пользуюсь, пользуюсь... – поспешно заверил его Анри. – Не далее как во вторник... Кстати, когда к вам собиралась заглянуть мадемуазель Катрин?

– О, уже соскучился? Маман что-то говорила про ближайшее воскресенье. Катрин будет гостить у нас целую неделю! Их величества уезжают в свое новое Версальское поместье, что уступил им архиепископ Гонди, и королева милостиво отпустила несколько своих молодых фрейлин домой на побывку. А с собой берет лишь подружку де Шеврёз да госпожу де Ланнуа⁴.

Так, непринужденно болтая, друзья добрались без приключений до дома Мортмаров на Сицилийской улице. Тепло обнявшись на прощание, они расстались, уговорившись, что де Голль придет к Эжену на следующий день прямо

---

⁴ Имеется в виду Шарлотта де Вильер Сен-Поль, графиня де Ланнуа, камер-фрейлина Анны Австрийской.

к ужину.

Дверь за де Мортмаром аккуратно прикрыл верный Гаслен, и Анри с легкой душой отправился к себе на улицу Святого Доменика.

У него наутро набиралась уже куча дел, и прежде всего де Голль намеревался отыскать в Пале-Кардиналь «его серое преосвященство» – отца Жозефа. Просить аудиенции у самого Ришелье Анри не осмеливался, а вот отец Жозеф, которого он очень уважал, наверняка выслушает де Голля хотя бы по долгу службы. Этот монах капуцинского ордена возглавлял, ни много ни мало, личную секретную службу кардинала, и все происшествия, за которыми чувствовалась рука врагов Ришелье, были по его части.

Пале-Кардиналь был самым юным из роскошных парижских особняков. Этот великолепный дворец с колоннадами и внутренними дворами еще даже не достроили до конца, Ришелье сам указал на плане место для дворцового театра. С его стороны было немалой дерзостью, купив поместье Анжен, расположенное напротив Лувра, построить там дворец, едва ли не превосходящий красотой и пышностью резиденцию монарха. Там было все, что требовалось для счастья его высокопреосвященству, – и парадные помещения, и богатая библиотека, и галерея, где можно было любоваться полотнами Рафаэля, Тициана, Рубенса, Дюрера, да Винчи. Особые комнаты были отведены под коллекцию фарфора. К Пале-Кардиналь примыкал и большой ухоженный сад.

Де Голлю пришлось подождать, пока отец Жозеф выберет несколько минут, чтобы принять лейтенанта конной гвардии. Перед дверьми кардинальской канцелярии, где он спозаранку трудился вместе с помощниками, четырьмя монахами ордена капуцинов, для ожидающих были поставлены стулья, и там уже собралось немало народа.

Анри передал просьбу о встрече с доверенным лакеем и теперь прохаживался в галерее неподалеку, сдерживая рвущееся наружу волнение и ожидая, что его позовут. Но отец Жозеф сам вышел к гвардейцу.

Если бы кто встретил на улице провинциального города этого пожилого человека в бурой рясе с капюшоном, перехваченной веревочным поясом, обутого в любое время года в грубые сандалии на босу ногу, никогда бы не предположил, что он более двадцати лет является надежным советником и почти другом кардинала Ришелье. Ну а парижанам уже примелькалось его лицо с большими, чуть навывкате глазами, крупным носом и довольно длинной, с точки зрения модников, неухоженной седеющей бородой.

Когда кто-либо пытался посоветовать отцу Жозефу сменить одеяние на более подходящее его положению, ответ был неизменно прост:

– Сам Христос такое одеяние носил, чем я лучше?..

Этого человека прозвали «серым преосвященством» за то, что он все время держался в тени. Но насчет его характера парижане не обольщались – скромность причудливо

сочеталась в нем с природной способностью к сложным интригам и политическому сыску.

– Найдите мне господина де Голля, – велел дежурившему у дверей слуге отец Жозеф. Но Анри уже сам спешил к нему.

– Святой отец, со мной этой ночью случилось нечто странное, – заговорил, подойдя под благословение, де Голль. – Я должен рассказать вам кое-что важное. Прошу: выслушайте!

– Пойдем в сад, сын мой, – предложил капуцин. – Я с утра уже прочитал столько писем, что в глазах рябит. Мне просто необходим свежий воздух.

В саду было пусто. Хотя солнце выглянуло, высушило скамейки, радоваться там пока было нечему – деревья стояли голые, трава еще не ожила.

Они отыскиали боскет и скамейку там, где солнце уже заметно пригревало, как оно и должно быть в конце февраля. Отец Жозеф сел, Анри остался стоять.

– Садитесь, молодой человек, – велел отец Жозеф. – Не заставляйте меня задирать голову. Ну, так что у вас случилось?

– Сегодня ночью я оказался возле церкви Сент-Эсташ... – без лишних объяснений начал де Голль и рассказал все, вплоть до убийства незнакомца.

– Печально, – покачал головой капуцин. – Однако этот грех мы вашему другу отпустим. Что вы еще запомнили, кроме хриплого голоса?

– Этот человек примерно моего роста, если только он

не носит туфель на высоких каблуках.

– Да уж, наши щеголи это любят... Еще!

– Мне кажется, что ему около сорока лет. Я сужу по голосу... Святой отец, я уверен, что где-то уже слышал этот голос! Это было случайное знакомство или даже не знакомство, а просто я, допустим, в Пале-Кардиналь, сидя в кордегардии, слышал за приотворенной дверью чей-то разговор...

– Хорошо, сын мой. Еще!..

– Это человек, по-моему, привык распоряжаться и в то же время, как мне показалось, по натуре – веселый. Он... шутил с мальчишками.

– Когда приходится говорить с детьми, и я могу пошутить, – усмехнулся отец Жозеф, но как-то невесело. – Еще что-нибудь?..

– Святой отец, я добрый католик, хожу к мессе...

– Я знаю. Иначе вас бы тут не было, господин де Голль.

– Мне в какой-то миг показалось, что передо мной – дьявол!.. Это было, когда он исчез. Он повернул голову, я не видел лица, но мелькнул профиль. В профиле было что-то сатанинское! Не смейтесь надо мной, святой отец, я не испугался, но... И этот голос! В нем был какой-то особый скрип, но не от кашля, а... так скрипят несмазанные двери!

– Обрати внимание, сын мой, я не смеюсь, – капуцин пожевал губами. – Ощущения – тоже хорошая примета. И мы, добрые католики, знаем: дьявол существует и творит пакости. Если бы ты опять увидел это существо стоящим на по-

роге, освещенным лишь со спины, ты смог бы его узнать? По движениям, по профилю?..

– Возможно, смог бы... – пожал плечами де Голль.

– Ну тогда вот вам приказ, господин лейтенант: отыскать этого... шутника, человек он или нечистая сила! Вы – единственный, кто его видел и слышал. Возможно, вы не знаете, но его высокопреосвященство обещал посадить сочинителя подобных скверных песенок в Бастилию. Не просто обещал – почти что дал слово чести, хотя священнослужителю не полагается... И это будет сделано, как только мы его изловим. Теперь, по крайней мере, ясно, что гадкие песенки – не так называемое народное творчество.

– Но мои служебные обязанности...

– Не беспокойтесь насчет своих служебных обязанностей, – небрежно отмахнулся отец Жозеф, – я все объясню его высокопреосвященству. Поймать сочинителя важнее, чем проверять, как обращаются конюхи с лошадьми ваших гвардейцев. А поскольку никаких поездок его высокопреосвященство в ближайшее время не планирует, значит, и конная охрана не нужна. С чего вы начнете?

– Строго допрошу хозяина кабачка... – уверенно начал Анри.

– ...и он поклянется на Библии, что впервые в жизни увидел этого хриплого господина. Впрочем, может быть, он окажется добрым французом и сразу назовет имя. Но в это плохо верится. Слушайте меня, господин лейтенант... – Отец

Жозеф задумался. – В том, что в «Шустром кролике» больше не будет никаких спевков, я не сомневаюсь. А сочинителя и хриплого господина отыскать надо. Возможно, это один и тот же человек. Или же хриплый господин – друг или слуга сочинителя. Итак... Где же его искать?

Де Голль растерялся: ответа на вопрос он не знал.

– Это может быть творчество господ, посещающих салоны, – подсказал капуцин. – Господ, которые после казни герцога Монморанси и маршала де Марильяка⁵ боятся открыто противостоять его высокопреосвященству, а вот втихомолку распространять гаденькие стишки как раз способны. У нас в Париже имеются два таких опасных салона. Один держит госпожа маркиза де Рамбуйе. Вы наверняка о нем слышали, это бывший отель Пизани, теперь его так и зовут – отель Рамбуйе, он поблизости от Лувра. Маркиза собирает там философов, аристократов и поэтов. Заметьте: поэтов! А второй, второй... хм... Что вы знаете о Нинон де Ланкло?

– Видел ее несколько раз. Редкая красавица! – честно сказал Анри.

– Красавица и умница, – добавил наставительно отец Жозеф. – Но любовников меняет чаще, чем чулки, и рада всякому, кто объявит себя вольнодумцем. Хотел бы я, чтобы сочинитель оказался гостем ее салона!.. Да, еще этот чудак

---

⁵ Анри II, герцог Монморанси, адмирал и маршал Франции, и Луи де Марильяк, граф Бомон-ле-Роже, маршал Франции, участвовали в мятеже Гастона Орлеанского против его брата, короля Людовика, были признаны виновными в оскорблении величества и приговорены к казни в октябре 1632 года.

Бийо...

– Бийо?! Но, святой отец, с чего бы ему сочинять пако-сти про его высокопреосвященство? – искренне удивился де Голль. – Он ничего не видел от господина кардинала, кроме добра!

– О, делать добро – это лучший способ нажать себе врага, – вздохнул капуцин. – А Бийо обиделся на весь Париж и сбежал. Где он теперь бродит – неведомо. Было бы хорошо, если бы вы, господин де Голль, заодно и его отыскали...

Эта «пропажа» была родом из Невера. Столяр, самостоятельно освоивший грамоту, поэт-самоучка, Бийо своими разухабистыми виршами в народном духе и застольными песнями сумел угодить неверскому дворянству, стал известен. У него появились знатные покровители, привезли самоучку в Париж, представили кардиналу Ришелье. Тот отнесся к поэту благосклонно, даже назначил ему пенсион. Вскоре Ада-на Бийо парижане прозвали «Вергилий с рубанком». Ничего обидного в прозвище не было: и насчет рубанка – чистая правда, и сходство с Вергилием кто-то ухитрился усмотреть. Но столяр надулся, на шутки знатных господ стал огрызаться.

Анри не знал, что Бийо, которого часто приглашали в Пале-Кардиналь, исчез. Но, если сбежал, вполне мог свою обиду на Париж выместить стихотворным образом. И наверняка найдутся господа, которые станут его подзуживать: «А напишите-ка, мэтр Адан, еще куплетик, а давайте вместе посме-

емся над стареньким кардиналом, которому все еще неймет-ся!...»

– Есть еще одна особа, которая по зловредности затмит и салон де Рамбуйе, и салон де Ланкло, и всех прихлебатель королевы-матери, – помолчав, сказал отец Жозеф. – Шевретта... Не понимаю, как только ее духовник дает ей после исповеди отпущение грехов?!..

– Да, святой отец, – согласился де Голль. – Наслышан про эту даму. Такая может заплатить любому поэту...

– И отнюдь не деньгами, сын мой! Как же наша молодежь до сих пор не поймет, что постель Шевретты – прямая дорога в тюрьму, в изгнание или на эшафот?..

В эту минуту в боскет неожиданно заглянул юноша лет четырнадцати в костюме пажа, увидел отца Жозефа и часто-часто заморгал.

– Простите, святой отец, – пробормотал, кланяясь.

– Вас прислали за мной, Франсуа?

– Нет, святой отец, – ответил паж кардинала. – Мы все ищем кота. Его высокопреосвященство приказал, чтобы без кота не возвращались.

– И кто же пропал? – осведомился капуцин.

– Портос, святой отец. Этого кота в прошлом году господин де Пейрешем привез в подарок его высокопреосвященству из Московии. Все время убегает...

– А! Помню: огромный пушистый зверь дымчатой масти... Нет, дитя мое, здесь кот не появлялся. Ищи его в дру-

гих местах. Итак, господин лейтенант, вам осталось только получить деньги на расходы и расписаться в ведомости, – заключил отец Жозеф, поднимаясь и потирая поясницу.

– Святой отец, – собравшись с духом, сказал Анри, – не сердитесь, но... я вряд ли смогу выполнить столь деликатное поручение. Меня не примут в отеле Рамбуйе – я не герцог и не стихоплет. А в салоне мадемуазель де Ланкло я тоже, пожалуй, буду нежеланным гостем, ибо не гожусь в любовники этой девице.

– Отчего же? Этот грех я вам отпущу, – серьезно ответил капуцин.

Анри был не слишком высокого мнения о своей внешности. И отчасти прав: рядом с Эженом де Мортмаром, например, статным и кудрявым от природы, он проигрывал. Всякий раз, собираясь в гости, де Голль приказывал своему старому лакею Бернару разогревать щипцы для завивки. Он пробовал на ночь накручивать волосы на папильотки, как делали многие гвардейцы даже в его роте, но всякий раз ему снились кошмары. Анри страшно не высыпался и в конце концов оставил эту затею.

– Я не знаю, под каким предлогом заявиться и к той и к другой, – честно признался де Голль.

– Хм, предлог?.. Предлог я вам найду! Пока что исполняйте свои обязанности. Через пару дней получите от меня указания, – распорядился отец Жозеф. – И вот что, сходите-ка на представление в «Бургундский отель». Труппа его кичит-

ся покровительством его величества, а дураки-актеры вполне могут сочинять гадкие песенки... Им мерещится, будто его величество не в ладах с его высокопреосвященством. Так что они могут объявить свою личную войну кардиналу – с них станется...

– Как вам будет угодно, святой отец, – поклонился Анри и направился в кордегардию – пора было заступать на дежурство по Пале-Кардиналь.

Глава вторая, в которой похищают любимого кота его преосвященства

Жюльен Барре любил свое дело. Оно досталось ему по наследству от отца, а тому – от деда. Три поколения Барре упорно совершенствовали свое искусство, пожалуй, самое тонкое и изощренное из всех известных людям, – искусство создания запахов. Дед Жюльена, Этьен, был подмастерьем у самого Рене Флорентийца, державшего лавку на мосту Михаила Архангела и снабжавшего пол-Парижа духами и косметикой. А когда Флорентийца, в конце концов, уличили в отравлении младшего сына герцога Анжуйского и под вопли и улюлюканье толпы сожгли на Гревской площади как колдуна и черного мага, Этьен быстренько перебрался в квартал Святой Женеьевы, прихватив большую часть «душистого наследства» мэтра Рене. Уже через год лавка благовоний и духов мэтра Барре приобрела известность среди зажиточной части парижан. Несколько позже, при кардинале де Гизе, мэтр Этьен Барре был обласкан высочайшей милостью и стал получать заказы от королевского двора. Потом прибыльное дело унаследовал отец Жюльена – Поль Барре. Он тоже прослыл мастером своего дела и даже возглавлял одно время цех парижских парфюмеров.

И вот теперь мэтром Барре уже не первый десяток лет ве-

личали Жюльена.

Когда же сегодня утром, едва подручный мэтра открыл ставни и двери салона, на пороге возник заспанный посыльный Жан из Пале-Кардиналь, парфюмер сразу понял, что произошло нечто, требующее его безотлагательного присутствия и участия.

– Госпожа де Комбале просит мэтра Барре незамедлительно посетить ее дом по срочному делу, – зевая во весь рот, сообщил Жан.

– Что же приключилось у мадам на этот раз? – осторожно поинтересовался парфюмер.

– Один из котов его высокопреосвященства пробрался в гардеробную госпожи, ну и... – Жан широко ухмыльнулся и изобразил жестами, что именно сотворило мерзкое животное.

Мэтр Барре невольно крикнул, покрутил головой и приказал подмастерью собрать все необходимое в специальную дорожную сумку и следовать за ним.

Мадам де Комбале с камеристкой встретили парфюмера с таким выражением лиц, что мэтр Барре тут же осознал всю глубину трагедии несчастной женщины и выразил свое сочувствие глубоким поклоном и тяжелым вздохом. Потом взмахом руки приказал подмастерью раскрыть сумку. Парнишка споро извлек из нее деревянный лоток, поделенный на ячейки, в которых находились сосуды из темного стекла со стеклянными же притертыми пробками.

– Мадам, вот самые сильные и стойкие эссенции, – сказал парфюмер, указывая на лоток со склянками и пузырьками. – Если они не помогут, я уж и не знаю, как быть.

Когда подобное говорит почтенный, известный всему Парижу знаток ароматов и туалетных вод, умеющий так надуть кожаные перчатки, что запах держится месяцами, остается только признать: беда непоправима. Но госпожа де Комбале решила побороться за свои наряды.

– Я тоже не знаю, месье, – вздохнула она. – Ну, попробуем, с Божьей помощью?.. Сюзанна, расправьте платье... Нет, начнем с нижних юбок. Мэтр Барре, ваши эссенции не оставляют пятен?

– Туалетная вода не оставляет. Но эссенции очень крепкие. Если смочить ими край юбки или побрызгать на платок, кажется, не должны оставить, – осторожно ответил парфюмер. – Нужно сделать опыт.

– Вот вам юбка для опыта. Вы ее сначала понюхайте. Понюхайте, говорю! Вы должны понять, с чем имеете дело. И это – после стирки!

Нюхать было незачем – парфюмер уже был осведомлен о беде мадам де Комбале. Однако послушаться не посмел.

Запах оказался настолько мощным, что мэтр Барре, весьма искушенный по части разнообразных ароматов, отшатнулся.

– Д-да, мадам, вы правы, это ужасно! Я даже не представляю, чем можно перебить такой аромат...

– Боже мой, совсем новая юбка!.. Думаете, она погублена безвозвратно?

– Если позволите, я заберу ее с собой. Нужно попробовать разные смеси.

– Конечно, конечно, мэтр! Сюзанна, заверните, пожалуйста.

Молоденькая камеристка взяла «благоухающую» юбку с опаской – как бы запах не перекинулся на руки и на платье.

Окно гардеробной было открыто, но свежий ветер оказался бессилён перебить вонь. Человек, часто бывающий в Пале-Кардиналь, в личных покоях его преосвященства и мадам де Комбале, притерпелся к ней и почти не замечал. А мэтр Барре, впервые сюда призванный, очень даже чувствовал, и его избалованный нос был сильно недоволен.

– Позвольте, я немедленно займусь вашим платьем, мадам, – и парфюмер вытащил из горлышка флакона туго притертую пробку.

– Платье мы три дня проветривали. Но мне уже всюду мерещится эта вонь. Как вы думаете, мэтр, существуют ли ткани, которые не принимают запахов?

– Боюсь, что нет, мадам.

Пожилой парфюмер смотрел на даму с искренним сочувствием. Ему нравилась эта невысокая пухленькая блондинка. Аккуратно обрабатывая тампоном платье с изнанки, он поглядывал на мадам де Комбале со здоровым мужским любопытством. Жюльен Барре был еще не в том возрасте,

чтобы глубокий вырез на платье оставил его равнодушным. И парфюмер позавидовал его преосвященству...

Весь Париж знал – а Париж в таких случаях редко ошибается! – что кардинал Ришелье сожительствует со своей племянницей, мадам де Комбале, совершенно по-супружески, как два голубка. Сплетничали также, что он не отказывается от мимолетных приключений, из-за чего случаются стычки с племянницей и голубки по три дня не разговаривают. Париж только еще твердо не решил, кто кого соблазнил – кардинал молодую вдовушку или вдовушка кардинала.

Мари-Мадлен де Комбале была дочерью его сестры, мадам де Понкурле. Девушка росла в Пуату, была настоящей провинциалкой, скромной и богобоязненной. С дядюшкой встречалась редко – ему хватало забот! Кардинал помогал родне (в разумных пределах!) и даже поспособствовал браку племянницы с подходящим человеком. Звали жениха Антуан де Рур де Комбале, и он оставил единственный след в истории – как «самый волосатый человек при дворе». В 1625 году господин де Комбале скончался.

Ришелье решил позаботиться о молодой вдове, которой исполнился всего лишь двадцать один год, на свой лад. Он добился указа короля Людовика о назначении ее фрейлиной королевы-матери – Марии Медичи. Мари-Мадлен, не считавшая супружескую жизнь хоть в какой-то мере привлекательной, желала уйти в монастырь, но от королевской

милости нельзя было отказаться. Да и ссориться с дядей молодой вдове не хотелось. И она придумала форму протеста: появлялась при дворе в скромном черном платье из недорогой ткани и носила самую простую прическу. Прошло немало времени, прежде чем Мари-Мадлен стала завивать волосы и сменила дешевую ткань на шелк.

Время от времени вдовушка сбегала таки к кармелиткам, а дядюшка неизменно возвращал ее из монастыря. В конце концов уставшие от ее упрямства королева-мать и кардинал попросили самого папу римского об указе, запрещавшем мадам де Комбале принимать пострижение. Мари-Мадлен пришлось остаться при дворе, но она страстно желала уехать хотя бы в свои родные края. В Пуату.

И вот в один прекрасный день Мари-Мадлен явилась к кардиналу, чтобы упросить его дать ей волю.

Его преосвященство в тот день, очевидно, был свободен от обязательств перед своими подругами. Потому он на просьбы родственницы ответил неожиданно:

– Ваше место, мадам, здесь, рядом со мной.

Вдовушка, к своему стыду, не сразу поняла, что имел в виду сановный дядюшка.

Меж тем Ришелье мог нравиться дамам. Он был довольно высок, красиво сложен, имел славу отличного наездника и прекрасно владел оружием. К тому же кардинал следил за собой: его усы и бородака соответствовали всем требованиям моды, густые темные волосы были тщательно завиты,

а живой и пронизательный взгляд серых глаз смутил и покори́л немало придворных сердечек...

Мадам де Комбале тоже не устояла.

Формально кардинал имел право держать при себе родственницу, исполнявшую обязанности домоправительницы. Но правда об амурных похождениях подобна шилу в мешке. Мари-Мадлен сперва расстраивалась, но потом поняла: без сплетен Париж не живет. И это еще не самая страшная беда по сравнению с котами...

– Везет же дамам, у которых одна или две милые кошечки, – сказала она парфюмеру. – Но в Пале-Кардиналь их два десятка, а последнее приобретение его преосвященства – самое зловредное. Этот огромный кот сразу решил показать нашим крошкам, кто в доме главный! Я так и не поняла, как он пробрался в мою гардеробную. Чем ему не угодили мои юбки?.. Вы что-то хотели сказать, мэтр?

– Мадам... Вы – ангел, мадам! Вы не ведаете дурного... – Парфюмер смутился. – Парижане говорят много гадостей о кошках его преосвященства. Кошки, сами знаете... Кошки – очень подозрительные животные. Дьявол, который служит ведьмам, состоит при них в виде черного кота... Моя супруга не так давно принесла в дом премилого котенка. Но чем старше становилась кошечка, тем ее взгляд делался все более демоническим. И когда однажды она пропала, я перекрестился с облегчением!

– Ах, хоть бы точно так же пропало и это чудовище!.. Поверите ли, мэтр, когда я вошла в гардеробную и увидела его на своей юбке... Мэтр Барре, я перепугалась, я стала творить крестное знамение! Но кот посмотрел на меня такими круглыми и злобными глазами, что я попятилась! Мало того, что его преосвященство год как завел совершенно черного кота и назвал его Люцифером, так теперь еще и этот дикий зверь! Говорят, его привезли из какой-то загадочной Москвы?..

– Я не смею давать советы вашей милости... – Парфюмер понюхал смоченные эссенцией складки платья и поморщился. – Про Люцифера знает весь Париж. Но если бы я посмел советовать! Я бы пригласил монаха, умеющего изгонять нечистую силу. Как подумаешь, что в Пале-Кардиналь живут демоны... А ведь известно, что демоны являются в облаке страшного смрада!

– Его преосвященство молится утром и вечером, и при этом присутствуют кошки. Может, не во всякое животное вселяется нечистая сила? – с надеждой спросила де Комбале.

– Этого я не знаю, мадам. Но если так, все равно и Люцифер, и новый кот его преосвященства кажутся мне подозрительными. У его преосвященства есть враги, и этого нового кота его преосвященству, может быть, подарили неспроста. Неизвестно, что он еще натворит... А так – прикажите своим камеристкам как следует запирать окна гардеробной. Из-

вестно, что кошки умеют просачиваться в самые узкие щели.

– А еще мне нужны хорошие курения! Я бы поставила курильницу в кабинете его преосвященства. Просто стыдно: к кардиналу часто приходят знатные господа, и вот им приходится нюхать эту гадость!

– Но разве кошек не выпускают в сад?

– Мэтр Барре, вы когда-либо пробовали объяснить кошке правила приличного поведения?!

Парфюмер развел руками.

– Я человек маленький, мадам. Не дворянин, не придворный, – сказал он. – Я не могу указывать вашей милости... Но только знайте: Парижу любовь его преосвященства к кошкам кажется очень подозрительной. Для вас же лучше от них избавиться или хоть свести их число к разумному...

– Ах, все это я знаю! Я подумаю... Бернадетта!

– Она вышла, мадам, – сказала Сюзанна, помогавшая мэтру Барре расправлять складки. – Ну вот, все платье с изнанки смочено эссенцией.

Эта стройная синеглазая брюнетка была незаконнорожденной. Ее родители, две знатные особы, тайно отправили так некстати образовавшегося младенца в деревню к кормилице. Обычно такие дети, десятками появлявшиеся на свет по всему королевству, мёрли как мухи, но Сюзанна выжила и, как умела, начала прокладывать себе дорогу к богатству и удачному замужеству. Добравшись до столицы, девушка некоторое время мыкалась в поисках работы, едва

не угодила в бордель дядюшки Пежо, что на Королевской улице, но в конце концов устроилась белошвейкой в мастерской мадам Оденкло. Там-то ее и заприметила домоправительница кардинала и взяла к себе в услужение. Сюзанна, будучи девушкой неглупой, поняла, что птица удачи наконец-то обратила на нее внимание. В Пале-Кардиналь стоило служить хотя бы ради выгодных знакомств. А что касается разных неудобств, вроде кошачьей вони, приставаний Жана или нередких вспышек раздражения госпожи де Комбале, то на эти «мелочи» юная камеристка старалась не обращать внимания...

Сюзанна и мадам разом склонились над платьем.

– По-моему, это еще хуже, чем было, госпожа, – честно сказала камеристка.

– Подождите, подождите, это лишь первое впечатление! – засуетился парфюмер. – Пусть платье проветривается хотя бы два дня...

– Что ж, выбирать не приходится. Теперь несите розовое, – велела мадам де Комбале. – Оно тоже «благоухает». Мэтр, а не помогут ли тут курения? Нет ли у вас состава, чтобы окуривать одежду?

– Есть составы, которыми окуривают во время чумы, мадам. И уж не знаю, возможно ли... – в замешательстве отвел глаза Барре.

– Эти кошачьи ароматы хуже всякой чумы! – решительно отрезала де Комбале. – Сегодня же к вечеру доставьте вашу

курительную смесь в необходимом количестве!..

Пока мэтр Барре, отдуваясь и краснея, помогал хозяйке Пале-Кардиналь спасти платья и юбки, другая камеристка, Бернадетта, стояла перед отцом Жозефом.

– Этот парфюмер восстанавливает госпожу против кошек его преосвященства, – докладывала она. – Мэтр внушает ей, будто в котках сидят демоны.

– Так многие считают, дитя мое, – добродушно отвечал монах.

– Но он уговаривает госпожу избавиться от кошек!

– Не так уж это глупо, если подумать... Моя ряса тоже порой «благоухает» кошатиной. Но ничего подобного не случится. Мы должны оставить его преосвященству эту маленькую забаву и утеху ради отдохновения и успокоения его мятущейся души, изнывающей под тяжким бременем ответственности за благополучие Франции. Так что попробуй-ка лучше внушить своей госпоже, что мир в доме важнее маленьких неприятностей с запахом. В конце концов, пусть она купит себе новые платья. А деньги на это у кардинала найдутся непременно.

– Я попытаюсь, святой отец...

– Ты это сделаешь, дитя мое. – В голосе монаха лязгнул металл. – Иначе за что же тебе деньги платят?

– Я сделаю, что смогу, святой отец... – заметно побледнела девица. – Но... может быть, можно убрать хотя бы нового

кота его преосвященства? Это ужасный зверь, святой отец! Мы все его боимся!

– Ступай, дитя мое. Ступай! Все в руках Господа...

Коты и кошки кардинала были лишь одной из многих забот отца Жозефа. Но хвостатые злоумышленники хотя бы сидели в Пале-Кардиналь! А вот недавно объявившуюся незаконную дочь его преосвященства пришлось ловить по всем окрестностям Парижа. Загадочная девица бродила по кабакам и притонам и утверждала, ни много ни мало, будто она – плод грешной любви первого министра Франции и королевы-матери Марии Медичи! Понятно, что возмутительницу спокойствия быстренько изловили и отправили в женский монастырь под Пуатье – подальше от ушей парижских обывателей. Но неприятный осадок в умах парижан остался. В том числе и у отца Жозефа. И до сих пор он так и не смог ответить себе на назойливый, как осенняя муха, вопрос: не была ли эта история началом интриги старой королевы, отправленной в изгнание в Брюсселе и даже оттуда норотившей пакостить французскому двору и первому министру своего сына-короля?

Старый капуцин знал, что подобная история, но с более печальными последствиями, приключилась лет двадцать пять назад далеко на востоке, в загадочной Московии. В соседнем Польском королевстве объявился человек, его отчего-то приняли за наследника московского престола, дали ему войско, и началось такое, чего врагу не пожелаешь!

В общем, от всевозможных самозванных претендентов нужно избавляться решительно и сразу. И если девица – еще полбеды. Хуже, когда в сыновья знатной особы рвется молодой человек, не имеющий ни чести, ни совести...

О связи между королевой-изгнанницей и Ришелье при дворе говорили почти открыто. Если бы у них было общее дитя, притом мальчик, сейчас этому младенцу исполнилось бы лет шестнадцать. Не тот, конечно, возраст, чтобы самостоятельно интриговать, но в умелых руках такая «игрушка» могла стать очень опасной...

Несколько дней спустя, все еще размышляя об этом и перебирая в уме все возможные выходки королевы-матери, отец Жозеф вошел в кабинет его преосвященства.

Арман Жан дю Плесси, кардинал Ришелье, по прозвищу «Красный герцог», неважно себя чувствовал. Его знобило, и колени его преосвященства поверх мантии были заботливо укутаны толстым шерстяным одеялом, выкрашенным в цвета французской короны. Секретари, сидя за столами, молча скрипели перьями, пажи, стоя у дверей, ждали приказаний. А кардинал беседовал с большой белой кошкой.

– Ну же, ступай ко мне, Мариам! – звал он, похлопывая себя по колену. – Прыгай сюда, ложись, согрей меня!.. Ну?.. А я почешу тебе за ушком...

Но вместо Мариам к нему вспрыгнул похожий на маленького тигра полосатый Фелимор, привезенный из Англии.

– Я вас не ждал, сэръ Фелимор, – ласково пожурил кота его преосвященство, – но я благодарен вам за проявленное внимание...

Отец Жозеф помнил всех котов и кошек в Пале-Кардиналь поименно. Знал он также, что животные каким-то непостижимым образом лечат кардинала от его хворей. Например, одолеваемый головной болью, его преосвященство немедленно ложился в постель, приказывал опустить шторы, повязать себе лоб прохладным полотенцем и впустить котов. Пушистые нахлебники тут же забирались на кардинальское ложе, устраивались на подушках, клали мордочки и лапы на высокоумную голову, и это оказывалось лучшим лекарством!

Отношения между кардиналом и капуцином сложились почти дружеские и имели весьма давнюю историю. Они познакомились еще в пору, когда молодой, новоиспеченный епископ Люсона Арман дю Плесси посетил местный монастырь ордена в порядке ознакомления с вверенным ему диоцезом. Два амбициозных молодых человека быстро нашли общий язык и поняли, что их цели во многом совпадают, а в средствах оба и вовсе не были стеснены. Так что когда герцог Ришелье наконец стал кардиналом и занял специально построенную для него придворным архитектором Лемерсье резиденцию напротив Лувра, вопрос о назначении начальника канцелярии его преосвященства не стоял. Отец Жозеф и четыре его брата-капуцина стали самыми верны-

ми и преданными помощниками Ришелье в нелегком деле укрепления государства и веры. Отец Жозеф, будучи весьма принципиальным и щепетильным во всем, что касалось внутренней и даже внешней политики, в то же время старался не перечить кардиналу по мелочам, тем более его привязанностям и слабостям. Потому все, что касалось кошек, было своеобразным табу в Пале-Кардиналь. Капуцин понимал: его преосвященство очень нуждается в собеседниках, которым не нужно угрожать, которых не нужно убеждать, которые приносят одну лишь радость. И то, что придворные пытались умиловить Ришелье, даря ему кошек необычной окраски, отца Жозефа забавляло.

Вот только называть абсолютно черного кота Люцифером, пожалуй, не стоило: при дворе, да и во всем Париже, развелось немало потомственных и несокрушимых дураков...

– Вы с новостями, мой друг? – спросил Ришелье, заметив капуцина.

– Новостей нет, – как всегда немногословно ответил тот. – Его величество по-прежнему занят высокими искусствами.

– А-а... Это самая лучшая новость! Пока его величество занят высокими искусствами, наши интриганки к нему не подберутся...

Король Людовик Тринадцатый увлекался самыми неожиданными вещами. Он был страстным охотником, и саморучное изготовление силков и сетей еще можно было считать

оправданным. Но однажды ему пришло в голову сшить кожаные штаны, и он их действительно сшил!

Другой причудой монарха было выращивание раннего зеленого горошка. Людовик обожал кулинарить, особенно ему удавалась шпигованная телятина. Он мог и пирожное испечь, и, заинтересовавшись ухватками своего цирюльника, выучиться орудовать бритвой. Эта блажь довела его до того, что однажды он сбрил всем своим офицерам бороды, оставив лишь усы и тот клочок волос под нижней губой, который с того дня стал модным, хоть и получил название «плевок».

Но главной страстью Людовика была музыка. Король прекрасно играл на клавесине, на охотничьем рожке, в домашних концертах исполнял партию первого баса, любил переложения псалмов, которые сам же и клал на музыку. Танцам его учили с детства, и это искусство ему тоже легко давалось, причем до такой степени, что однажды он всерьез задумал стать балетмейстером. Любопытно, что при всей своей склонности к меланхолии балеты Людовик предпочитал веселые и даже сам исполнял в них партии в стиле гротеск. Танцовщиков и танцовщиц король вербовал в собственной свите, но иногда приглашал и актеров.

До сего дня за ним числились две постановки, показанные в парижской ратуше: балет «Великий бал богатой вдовушки из Бильбао», исполненный 24 февраля 1626 года, и балет «Всерьез и гротескно», исполненный 16 февраля 1627 года. И вот его величество затеял новое произведение.

Всю осень он писал музыку, рисовал костюмы, заказывал их портным, ссорился и мирился с музыкантами. Кардинал был очень доволен этой возней, потому что человек, занятый разводкой балетных фигур, меньше думает о грядущей войне с Испанией и не слишком беспокоится о проказах трех самых опасных дам королевства – своей изгнанной матушки Марии Медичи, супруги Анны и ее лучшей подруги герцогини де Шеврёз...

– Какая сегодня погода, мой друг? – спросил кардинал.

– Прикажите открыть окно, ваше преосвященство, – смиренно посоветовал капуцин. – Похоже, уже повеяло весной. Дорожки в саду, я полагаю, просохли, и снега ждать уже не стоит.

Ришелье тут же прекратил чесать у Фелимора за ушами и дважды хлопнул в ладоши. Кот от неожиданности утробно мявкнул и метнулся прочь, сбив когтями одеяло хозяина.

– Лоран, кошки! – громко произнес кардинал, чуть повернув голову. Слуга вырос рядом с креслом, как из-под земли. – Пока нет слякоти, нужно их вывести на прогулку.

Так же молча Лоран махнул кому-то рукой и исчез. Сейчас же несколько лакеев, выполнявших обязанности кошачьих смотрителей, взялись за работу.

Старожилы кошачьей компании – Сумиз, Рубин, Пирам и Тисба, уже усвоившие, что их приглашают на приятный променад, шли к выходу сами, требуя, чтобы лакеи отворяли перед ними двери. Это всегда смешило кардинала до слез.

Упрямого же Люцифера, меланхоличного Ракана и сою Перрюка приходилось уговаривать. Именно этим обычно занимался Лоран. Белую ангорку Мими-Пайлон и сэра Фелимора выводили на поводках – так они были приучены с детства. Для огромного лохматого Портоса тоже пришлось заказать поводок. Кот, привезенный посольством месяц назад из далекой Московии, оказался почти диким, своего имени еще не понимал и при любом удобном случае затевал склоки с другими котами. Но наконец и его удалось вывести в сад.

Животные моментально разбрелись по газонам и кустам, занявшись интимными кошачьими проблемами, а лакеи встали в кружок – посплетничать на свежем воздухе вдали от отца Жозефа и мадам де Комбале, которая тоже как раз появилась на аллее со своей гостьей, мадам де Сабле.

Сад Пале-Кардиналь был окружен со всех четырех сторон зданиями. Сам дворец, в котором поселился его преосвященство, великолепная кордегардия, картинная галерея и хозяйственные службы уже были завершены. Оставался театр. Его Ришелье строил для постановки своих собственных трагедий. Хотя в какой мере они были собственными – парижане точно не знали, зато знали, что на жалованье у кардинала состоят пятеро поэтов и драматург Жан Ротру.

Вот со стороны этого недостроенного театра ровно в полдень и раздался собачий лай в полдюжины глоток. Начался форменный бедлам.

Псы профессионально рассредоточились по саду, пресле-

дую котов и кошек, а перепуганные лакеи с криками бросились их спасать. Сумиз, Рубин и Пирам – сами кинулись к людям, мгновенно очутившись у них на плечах. Слуги тут же переправили ошалевших животных в первые подвернувшиеся окна. За остальными пришлось бегать по аллеям и тропинкам и драть глотки до хрипоты, выкликая попрятавшихся зверьков. Лоран же, вооружившись забытым в саду складным табуретом, лупил бродячих псов, что было силы. С кухни к нему на подмогу прибежали повара, из кордегардии – несколько гвардейцев, свободных от караула. Загремели выстрелы, к общему шуму и гаму добавились отчаянный собачий визг и скулеж.

Четверть часа спустя на дорожках сада лежали шесть собачьих трупов. Гвардейцы некоторое время еще прохаживались по саду, внимательно осматривая подозрительные места на предмет укрывшихся четвероногих налетчиков, и похвалялись друг перед другом своей меткостью. Лакеи в который раз пытались сосчитать собранных котов и кошек, продолжавших нервно метаться по комнатам. Как будто все животные уцелели, псы никого не успели порвать. Ришелье, высунувшись в окно, громко потребовал немедленно привести к нему в кабинет всех его любимцев. Лакеям вновь пришлось шарить по всем закоулкам и увещевать взъерошенных кисок, а потом – кто по одному, кто по двое – тащить их, мяукающих и брыкающихся, к хозяину.

– Ваше высокопреосвященство! – вдруг заорал не своим

голосом из сада Лоран. – Извольте позвать лекаря! Мадам умирает!..

– Берите ее на руки и несите ко мне, лекарь сейчас же будет! – тут же откликнулся кардинал.

– Я ее не подниму, ваше высокопреосвященство!

– Как это – не подниму?!

– Да в ней добрых сто двадцать парижских фунтов веса!..⁶

Если Лоран и ошибся, то ненамного. Пышногрудая мадам де Комбале, лежавшая на жухлой траве в обмороке, примерно столько и весила. Рядом разметалась без чувств худенькая мадам де Сабле.

Буквально через минуту на помощь слуге поспешили гвардейцы и внесли обеих дам во дворец, напрямик в гостиную его преосвященства. Лоран же, как умный лакей, поспешил в другую сторону – показать свою находку отцу Жозефу. Это был поводок кота Портоса, перерезанный посередине.

– Где ты взял это, сын мой?! – спросил изумленный капуцин.

– Выпало наземь, когда мадам поднимали, святой отец.

– А где... Портос?

– Не знаю, святой отец!

– Тогда помолчи пока об этом поводке...

Лоран послушно кивнул, вернувшись в гостиную, созвал

---

⁶ Фунт как мера веса активно использовался в средневековой Европе. Причем к началу XVII века свой размер фунта устанавливали чуть ли не в каждом городе. Парижский фунт (ливр) в то время равнялся 489 г. – *Прим. авт.*

кошачьих слуг и велел всем отправляться снова в сад – искать дикого Портоса. Лакеи разбежались по аллеям в поисках кота, но безрезультатно. Потом обшарили весь дворец, от погребов до чердаков, – тоже ничего. Самые упорные еще часа два бегали по окрестным улицам, расспрашивали прохожих: не попадался ли кому на глаза огромный и пушистый серый кот в красном сафьяновом ошейнике и с красным поводком.

Но Портос как в воду канул.

Отец Жозеф, убедившись, что в Пале-Кардиналь кота нет, отдал распоряжения слугам, а час спустя вошел в личные покои мадам де Комбале.

Племянница кардинала полулежала на тахте среди мягких подушек, вокруг суетились обе камеристки, растирали ей виски уксусом и подносили нюхательную соль. Госпожа де Сабле по-прежнему без чувств лежала в спальне.

– Как вы себя чувствуете, дочь моя? Вас испугали выстрелы? – поинтересовался отец Жозеф и сделал повелительный жест. Камеристки, поняв, выскочили из комнаты.

– Да, святой отец... – слабым голосом откликнулась Мари-Мадлен. – Я смертельно перепугалась за Армана... за его преосвященство. Думала: это наши враги...

– Похвальная забота... То есть, если бы не выстрелы, вы бы успели спрятать и выбросить поводок.

– Какой поводок?!

– Красный. Который две недели назад вы заказали для ко-

та по кличке Портос.

– Я вас не понимаю, святой отец! – Мадам де Комбале даже приподнялась на подушках и испуганно уставилась на капуцина. – При чем тут поводок?

– Мадам, – жестко заговорил отец Жозеф. – Я знаю, что вы причастны к пропаже кота. Это по вашему приказу был устроен весь переполох. Видимо, вы хотели истребить как можно больше кошек. К счастью, вам это не удалось. Что же касается пропавшего кота, в ваших интересах, чтобы он был жив и вернулся в Пале-Кардиналь со всей возможной быстротой.

Капуцин, обычно в меру любезный с племянницей кардинала, сейчас был суров и строг. Мадам де Комбале заметно побледнела и снова откинулась на подушки. Она порядком побаивалась отца Жозефа. Если на дядюшку Мари-Мадлен могла иногда и прикрикнуть, то этот монах подобных вольностей не допускал – достаточно было посмотреть на его мрачное лицо.

– Боже мой, боже мой... – прошептала она.

– Давайте договоримся, – помягчев, предложил отец Жозеф, – вы возвращаете кота...

– Святой отец, вы ошибаетесь! – отчаянно перебила Мари-Мадлен.

– Я знаю все, что происходит в Пале-Кардиналь, дочь моя, – отрезал капуцин. – Я уже вызвал и допросил парфюмера, мэтра Барре. Он сказал: вы считаете кошек порожде-

ниями сатаны и хотите их истребить.

– Он лжет, клянусь вам!..

– Мои люди, конечно, могут отыскать кота, но на это уйдет время. Вы же знаете, где он спрятан, и...

– Говорю вам: не знаю! Я ничего не знаю!.. – И мадам де Комбале разрыдалась.

Некоторое время «серый кардинал» молча наблюдал за истерикой, потом как ни в чем не бывало продолжил:

– Если кот жив, в ваших интересах вернуть животное его преосвященству. Если же кот не вернется... Мадам, я знаю, как вы привязаны к его преосвященству, но Париж давно смотрит на ваш союз очень косо, на улицах распевают дерзкие песенки... Так вот, Париж будет счастлив узнать, что его преосвященство отпустил вас в монастырь кармелиток, куда вы так стремились еще в юности, а освободившееся место хозяйки Пале-Кардиналь успешно заняла мадам де Шольн...

– Кто? Эта потаскушка?! – Кроткая и богобоязненная Мари-Мадлен была изумительно ревнива.

– Мадам!.. – отец Жозеф произнес это слово с укором и неодобрением.

– Я... Я скорее убью ее! – И тут Мари-Мадлен снова разрыдалась, да так, что капуцину пришлось позвать ей на помощь Сюзанну и Бернадетту.

– Если вы приказали убить кота, горе вам, – сказал он, уходя. – Но если кот жив и вы его вернете, я берусь помирить вас с его преосвященством. Иначе... кармелитки ждут вас,

дочь моя! Кожаный пояс, скапулярий и сандалии – ваш будущий удел!

Дверь захлопнулась.

Камеристки непонимающе уставились на хозяйку.

– Я пропала! – воскликнула Мари-Мадлен, комкая подушку.

И в самом деле, иметь своим врагом отца Жозефа никто во всем Париже не пожелал бы.

– Да что случилось-то, госпожа? – не выдержала Бернадетта.

– Отец Жозеф подозревает меня в краже Портоса! А я тут ни при чем!

– Госпожа, не плачьте, мы что-нибудь придумаем, – сказала рассудительная Сюзанна. – Мы купим другого серого кота...

– Другого такого во всем Париже нет! Он... это... – сибирский! И во всей Франции второго сибирского кота не найти!

– Значит, будем искать этого. И мы найдем его. Дайте мне возможность!

– Но как? Как?

– Я пока не знаю. Но у меня есть догадки.

Мари-Мадлен перестала всхлипывать, отбросила истерзанную подушку и пристально посмотрела на служанку, будто увидела впервые. Во взгляде мадам де Комбале загорелся огонек надежды.

– Какие же, Сюзанна?

– Например, тот, кто устроил переполох и украл кота, хочет поссорить вас с его преосвященством, – рассудительно ответила камеристка.

– Но весь двор хочет, чтобы я покинула Пале-Кардиналь! Меня всюду принимают и нигде не любят, Сюзанна. А я ведь всегда стараюсь делать людям добро... – покачала головой Мари-Мадлен.

Это было чистой правдой. Многим было за что благодарить мадам де Комбале. Она считала благотворительность своим призванием и не раз заступалась за грешников, вызвавших недовольство кардинала.

– Госпожа, если это заговор придворных, то кот жив, и они вернут его, как только вы уедете в монастырь кармелиток, – уверенно заявила Сюзанна. – Человек, вернувший его преосвященству любимого кота, может рассчитывать на многие милости. Если кот жив, его где-то прячут. Вряд ли, что в Лувре. Скорее всего, в предместьях.

– Уж не собираешься ли ты обойти все предместья и заглянуть на все чердаки?

– Нет, мадам. Я поступлю хитрее. Только дайте мне возможность... и немного денег. Видите ли, отец Жозеф еще не сказал его преосвященству, что подозревает вас, иначе кардинал уже был бы здесь. И в этом – ваше спасение...

Мадам де Комбале еще раз внимательно посмотрела на свою камеристку, и слабая улыбка наконец озарила ее красивое, слегка припухшее от слез лицо.

– Найди Лорана, Сюзанна, и вели ему, чтобы сообщал мне обо всех новостях незамедлительно.

– Будет сделано, госпожа! – радостно улыбнулась в ответ камеристка, сделала реверанс и убежала.

Мари-Мадлен перевела взгляд на вторую служанку, скромно стоявшую в сторонке, возле гардероба.

– Ну а тебя, милая, я попрошу только об одном: если ты хоть немного любишь меня, не ходи пока к отцу Жозефу и не рассказывай ему, что мы задумали.

– Мадам может быть совершенно уверена в моей искренней привязанности, – зардевшись, прошептала Бернадетта.

– Спасибо, милая. А теперь можешь идти. Я сильно устала и хочу немного отдохнуть от пережитого кошмара...

Глава третья, в которой лейтенант де Голль становится многообещающим поэтом

После разговора с отцом Жозефом Анри весь день чувствовал себя не в своей тарелке. Мысли, одна бестолковее другой, буквально разрывали голову несчастного лейтенанта. Хорошо еще, ему по должности не нужно было стоять на карауле. Де Голль должен был раз в полчаса обходить все посты дворца и каждые два часа производить смену гвардейцев. Но делал он это почти бессознательно – привычная работа не требовала умственного напряжения, и потому голова бедняги пухла от груза свалившейся ответственности. О том, чтобы отказаться от задания, Анри даже не помышлял – честь дворянина и многолетняя военная привычка выполнять приказы, а не обсуждать их или подвергать сомнению не оставляли ему выбора. Но как умный человек де Голль прекрасно понимал всю безнадежность затеи: найти человека в обществе, где ты никогда не бывал, немислимо. А чтобы стать своим среди ему подобных, пришлось бы буквально родиться заново в теле мечтателя, поэта и романтика, каким Анри совершенно себя не представлял.

К концу дня расстроенный, потерявший аппетит де Голль смог придумать только одно: пойти за советом к верному

другу кузену Эжену де Мортмару и, если повезет, повидаться там снова с милой сердцу Катрин де Бордо.

Завернув по дороге в пекарню добряка Понсона Грийе, у которого Анри частенько покупал изумительные булки с миндалем, лейтенант приобрел целую корзинку свежайшего орехового печенья для матушки де Мортмар (и, конечно, для Катрин!), потратив на лакомство едва ли не недельное жалованье, и направился на Сицилийскую улицу.

Де Голлю повезло и не повезло одновременно. Эжена он застал буквально в дверях. Кузен, судя по изысканному наряду, собрался в театр и не иначе как с дамой. Увидев корзинку в руках кузена, де Мортмар хихикнул и сказал:

– Если ты будешь кормить маман ореховым печеньем хотя бы раз в неделю, ей скоро придется менять свой гардероб!

– Не волнуйся, Эжен, – мрачно ответил Анри, – я не настолько богат, чтобы часто покупать дорогие угощения.

– Тогда у тебя должна быть веская причина для щедрости?

– К моему стыду – да. Я пришел к вам за советом, который мне жизненно необходим!

– Что ж, мой друг, ради этого я, пожалуй, задержусь и помогу тебе.

Они вдвоем прошли в гостиную, Эжен кликнул прислугу и велел отнести корзинку с печеньем в покои госпожи де Мортмар, а сюда принести бутылку легкого анжуйского и два бокала.

Братья удобно расположились в креслах перед камином,

сбросив плащи и шляпы на руки мажордому.

– Послушай, Эжен, – заговорил, волнуясь, де Голль, – я попал в неприятную историю и прошу у тебя совета...

Он коротко поведал кузену о задании отца Жозефа и, отхлебнув игристого вина, закончил:

– Я понимаю, что сам виноват, не нужно было влезать в это дело, но пойми: речь ведь идет о чести его преосвященства, которому я многим обязан и которого очень уважаю!

– Да, Анри, – де Мортмар тоже отпил из бокала и pokrutil головой, – угораздило же тебя! Но делать нечего, придется попотеть, чтобы отыскать этого злопыхателя и стихоплета. И думаю, легче всего это будет сделать, если самому на какое-то время прикинуться сочинителем, поэтом.

– Как это – прикинуться?!

– Буквально. Тебе нужно стать своим среди этих кичливых петухов и напыщенных словоблудов.

– Но я же не умею – ни петь, ни стихи сочинять!

– Ну тогда тебе долго придется бродить по городским площадям и нюхать прокисшее пиво в трактирах, пока снова не натолкнешься на того прыткого месье, что обучал мальчишек гнусным песенкам.

– Увы, мой друг, – де Голль уныло уставился в опустевший бокал, – у меня нет столько времени!

– Значит, превращайся в поэта! – де Мортмар поднялся. – Извини, Анри, мне надо торопиться: мадемуазель Женевьева – особа нетерпеливая...

– О, у тебя новая пассия?.. Поздравляю.

– Спасибо. Я как-нибудь тебя с ней познакомлю.

– Тебе спасибо, Эжен, за то, что выслушал. И за совет...

Де Голль тоже встал и направился к выходу. По всему получалось, что без доброго отца Жозефа он сам ничего придумать не сможет, и это обстоятельство окончательно испортило Анри настроение.

* * *

Поздно вечером того же дня к северным воротам Пале-Кардиналь со стороны предместья Сент-Оноре подъехала дорожная карета с надписью мелом на дверце «du Havre à Paris»⁷. Из кареты вышли двое – кавалер и дама, оба – в масках. Кавалер трижды стукнул молотком в калитку привратника. Спустя минуту она приоткрылась. Приезжие шагнули внутрь. Здесь их поджидал молчаливый слуга с канделябром на пять свечей. Он равнодушно оглядел парочку и так же молча направился от ворот в глубь сада. Процессия пересекла сад и скрылась в боковом крыле дворца.

Далее их путь пролегал по пустым и темным коридорам. Лишь изредка, на поворотах встречались неглубокие ниши с горящими свечами, которые едва рассеивали ночной мрак. Но у внутренних ворот, отделявших служебную часть дворца

---

⁷ «Из Гавра в Париж» (фр.).

от покоев кардинала, как и положено, стояли на страже четверо гвардейцев. Вернее, двое стояли у ворот, а остальные сидели справа на специальной скамье – отдыхали, но тоже были настороже. Однако они, видимо, были предупреждены о позднем визите к его преосвященству, потому что без слов и проверки распахнули тяжелые, окованные железом створки, больше похожие на крепостные.

Гости очутились в личных покоях кардинала. Тут их тоже ждали, вернее, ждали даму. Потому что все было приготовлено именно к приему знатной гостьи: на столе стояли графины с вином и блюда с фруктами и бисквитами. А его преосвященство и отец Жозеф развлекались игрой в шахматы.

Войдя в гостиную, дама легким движением сняла маску и сделала реверанс. Ее спутник тоже поклонился, но так, как кланяются начальству, которое видят по десять раз на дню.

– Благодарю вас, господин де Кавуа, – сказал ему Ришелье и протянул гостье руку. Она с готовностью коснулась губами кардинальского перстня. – Рад вас видеть, миледи. Садитесь, угощайтесь, и потолкуем. Как здоровье вашего почтенного супруга?

– Боюсь, об этом нужно спрашивать не меня, ваше преосвященство, – ответила дама, скидывая темный плащ, под которым открылось платье из сверкающего оранжевого атласа. – Я вижу его очень редко. Граф Карлайл почти не выезжает из поместья, возится со своими охотничьими псами

и совершенно не нуждается в моем обществе.

– Это большая глупость с его стороны, – заметил кардинал, самолично разливая вино по бокалам. Он жестом предложил выпить внимательно наблюдавшему за гостьей капуцину, но тот отрицательно качнул головой. – Когда мужчина женат на такой красавице, как вы, миледи, – любезно улыбаясь, продолжил Ришелье, – он не должен надолго оставлять ее, ибо тут же сбегутся многочисленные поклонники.

– Это мало беспокоит графа. И никогда не беспокоило, ваше преосвященство... – Люси бросила на кардинала жаркий томный взгляд. – Мой супруг предоставил мне полную свободу, абсолютную свободу!

Ришелье усмехнулся, оценив намек. Эта красивая, порочная и очень умная женщина пять лет назад, во время их первого знакомства под стенами Ла-Рошели, уже сумела вскружить ему голову. Арман Жан дю Плесси пил источаемую красавицей страсть и никак не мог насытиться. Тогда их любовный марафон был прерван лишь объявлением о штурме крепости. Но и позже безумные ночи повторялись не раз и не два. А итогом их союза стала гибель заклятого врага Ришелье, герцога Бэкингема...

Будущей осенью кардиналу должно было исполниться сорок семь лет – немало по строгим меркам семнадцатого века, но он все еще считался среди придворных дам завидным кавалером. Во всяком случае – щедрым. Весь столичный свет помнил, как он полгода назад предлагал юной красавице Ни-

нон де Ланкло пятьдесят тысяч ливров за несколько ночей любви. Ответ Нинон привел в восторг весь Париж: «Я отдаюсь, но не продаюсь!»

А леди Карлайл на вид было около тридцати лет – при свечах; значит, при дневном свете – не менее тридцати пяти. Самый подходящий возраст для разумных решений, если признаться самой себе, что зеркало говорит правду, что пухленькая шейка вот-вот преподнесет массивный двойной подбородок, что как ни подкрашивай задорные коротенькие каштановые кудряшки, обрамляющие лоб и виски, а у корней седина все равно заметна.

Отец Жозеф знал, что леди Карлайл, месяц назад прибывшая в Париж, всегда испытывает нужду в деньгах, потому и посоветовал Ришелье обратиться к ней со столь щекотливой просьбой.

– Она выполняла и более сложные ваши поручения, это же – совсем пустяковое, – сказал капуцин. – В сущности, вы заплатите ей лишь за молчание.

– В наше время это редкий товар, – заметил кардинал.

Он бы снова не имел ничего против скоротечной, страстной и приятной близости с англичанкой – воспоминания пятилетней давности по-прежнему оставались яркими и волнующими. Но Пале-Кардиналь был из тех дворцов, где стены имеют очень большие уши. Мадам де Комбале строго следила, не приближается ли к дядюшке-кардиналу опасная совратительница – вроде знаменитой парижской куртизан-

ки Марион Делорм. Живя во дворце и командуя слугами, она прикормила многих лакеев и пажей. Кардинал знал это, но принимал как должное: дама должна заботиться о своих интересах.

– Вы, как всегда, очаровательны, миледи, – сказал он. – Поручение, которое я хочу вам дать, будет доказательством моего преклонения перед вашей красотой, вашим остроумием и вашим обаянием. Вы ведь уже восстановили свои парижские знакомства?

– О, еще далеко не все, ваше преосвященство! Я плохо перенесла дорогу, потом у меня разыгралась мигрень, и я никуда не выезжала. Лишь изредка принимала у себя нескольких старых подруг, обеспокоенных моим состоянием, – ответила гостья, скромно опустив глаза.

Отец Жозеф умел отличать правду от лжи. Прежде чем пригласить леди Карлайл к кардиналу, он собрал о ней необходимые сведения. Мигрень у этой дамы не мешала ей наносить визиты, в том числе бывать в домах, где можно встретить придворных. Сегодняшняя ложь, скорее всего, объяснялась тем, что блудливая графиня уже завела в Париже нового любовника или, по крайней мере, наметила подходящего кандидата.

Капуцин и кардинал обменялись понимающими взглядами: «врет, но это – мелочи...»

– Если позволите, я пришлю вам своих лучших врачей, – любезно предложил Ришелье. – А сейчас поговорим о деле.

Как я понимаю, вы намерены хорошо провести время в Париже – наносить визиты, блистать в салонах, принимать у себя. Я хочу помочь вам в этом...

– Ваша щедрость безгранична, монсеньор! – Бархатные щечки Карлайл запунцовели, и она склонилась в изысканном реверансе.

– Я собираюсь оплатить ваш гардероб, подарить украшения, портшез, нанять для вас двух крепких носильщиков, – деловито продолжил кардинал. – Если вы предпочтете карету, будет и карета. Но, сами знаете, для Парижа это не лучшее средство передвижения. А взамен я попрошу от вас об одной мелочи, совершенно незначительной...

– Все что угодно, ваше преосвященство!..

– Выезжать в свет вы будете в обществе молодого человека. Завтра он явится засвидетельствовать вам свое почтение. Вы будете везде брать его с собой. И в отель Рамбуйе, и в салон мадемуазель де Ланкло – всюду, где бывают наши знатные дамы и господа.

– Ваша просьба для меня закон, монсеньор, – снова склонила голову англичанка. – Но все же смею спросить: хорош ли ваш избранник собой?

– Хм! Какая вам... – нахмурился было Ришелье, но тут же вновь просветлел лицом. – Насколько может быть хорош молодой дворянин, чьи предки жили в Бретани еще во времена Юлия Цезаря? Если бы я задумал галерею, где были бы представлены все народы, он стоял бы там в качестве образ-

цового бретонца! Ваш спутник, миледи, – лейтенант моей личной конной гвардии Анри де Голль, ветеран осады Ла-Рошели и военной экспедиции в Мантую!

– Он лишь наполовину бретонец, – счел нужным вмешаться в разговор отец Жозеф. – Его отец – валлонский барон Жискар де Голль, а вот мать – действительно из древнего бретонского рода Роанов. Потому в образцы парень не слишком годится. Бретонцы невысокие и коренастые, а этот ростом в отца.

– Умоляю, ваше преосвященство, скажите же, какого он роста? – всерьез забеспокоилась Люси.

Кардинал прекрасно знал, что для дамы это очень важный вопрос. В постель можно пустить и верзилу, и коротышку, но кавалер, который сопровождает на светских приемах, должен быть выше своей дамы – это закон. Разве что кавалером выступит принц крови? Тогда ему охотно простят и малый рост, и горб, и хромоту.

Впрочем, был один низкорослый господин, внимание которого английские придворные дамы сочли бы за огромную честь, хотя многим из них он был по плечо. Господина звали его величество Карл Стюарт. И он тоже придерживался мнения, что кавалер должен быть выше дамы. Его супруга, дочь короля Франции Генриха и сестра короля Франции Людовика, была ниже его ростом, и семейную жизнь этой четы все в Лондоне считали безупречной.

– Отец Жозеф, прошу вас, встаньте на минуту, – произнес

Ришелье и, когда капуцин поднялся, пояснил: – Примерно такого же, миледи. Подойдет?

– Прекрасный выбор, монсеньор! Надеюсь, господин де Голль умеет себя вести в обществе, одевается по моде, красиво причесывается?..

– Я видел его только в кожаном колете, – признался кардинал. – Но этот вопрос мы решим... с вашей помощью, миледи. Вы сами объясните молодому человеку, как ему следует выглядеть, чтобы не опозорить вас.

– Бретонец... – деловито надула губки Карлайл. – Значит, черноволос, крепкого сложения, глаза, скорее всего, карие?

– Ей-богу, я в них не вглядывался, – усмехнулся Ришелье. – Но полагаю, что мой де Голль нравится женщинам.

– Всецело полагаюсь на ваш вкус, монсеньор! – Англичанка лукаво улыбнулась и бросила очередной страстный взгляд на бывшего любовника. – Странно было бы, если бы меня сопровождал кавалер, который никому не нравится.

Ришелье чуть заметно повел бровью, принимая вызов.

– Угощайтесь, миледи, – указал он на столик с блюдами. – Отец Жозеф, будьте любезны, разрежьте эти персики...

Дальше пошел обычный деловой разговор: сколько платев, какой портшез, кем леди Карлайл представит знакомцам Анри де Голля, который на родственника совершенно не похож. Хотя бы ради приличия следовало придумать причину, по которой замужняя дама возит с собой по светским гостиним молодого человека. Тем более того, которого мно-

гие могли видеть в Пале-Кардиналь.

– Может быть, он сочиняет стихи? – с надеждой спросила Люси.

– Вряд ли я стал бы терпеть офицера, который сочиняет стихи, – честно признался Ришелье. – У меня крутятся во дворце несколько сочинителей, но я бы им не доверил и охрану курятника! А вот знатная дама, которая покровительствует поэту... да, в этом что-то есть!..

– Стихи для него можно и купить, причем за небольшие деньги, – подсказал отец Жозеф. – Я даже знаю, кто их продаст.

– Это должен быть поэт, которого в Париже не знают, – не преминул заметить кардинал.

– Его и не знают. Пока... Юноша учится в иезуитском коллеже в Бове. Когда мы начали расследовать это дело о сочинителе, я сам побывал у отцов-иезуитов. Их воспитанники часто имеют склонность к литературе... Я бы сказал, к весьма подозрительной литературе. Мне представили этого юношу, он поклялся, что никогда не делал того, в чем я хотел его обвинить, и показал все свои тетради. Он подражает античным сочинителям, но я отыскал у него и несколько вполне приличных мадригалов в честь прекрасных дам. Тринадцать лет, ваше преосвященство, сами понимаете: кровь уже бурлит, а грешных мыслей еще нет. Думаю, он будет рад услужить вам, а вы заступитесь за него перед отцами-иезуитами.

– Хорошо, устройте эту сделку. И напишите, как зовут

юношу.

– Зовут его Савиньен Сирано. Он сын парижского адвоката Винсента Сирано из Гаскони. А вы же знаете, как гасконцы любят пышные фамилии! Так этот мальчишка вздумал прибавить к фамилии название отцовского поместья. На тетрадке с мадригалами написал «Эркюль Савиньен Сирано де Бержерак»!

– Цветисто! Но тщеславие в столь юном возрасте... – покачал головой Ришелье. – Хорошо, пусть будет де Бержерак. Завтра же поезжайте в Бове и договоритесь там обо всем...

Они поговорили еще немного о парижских новостях, потом кардинал велел подавать ужин. Отец Жозеф, сославшись на дела, ушел, и тогда Ришелье, отбросив сомнения, решительно приступил к обольщению английской графини. Его высокопреосвященство великолепно музицировал на клавесине и мандолине и не замедлил исполнить для своей очаровательной гостьи пару сонетов весьма откровенного содержания. Причем воспользовавшись без зазрения совести текстами сбежавшего из Пале-Кардиналь Адана Бийо и выдав их за собственные сочинения.

Затем, выпив вина и закусив печеными перепелами, двое искусственных в любовных поединках непринужденно и естественно перешли из гостиной в спальню покои...

Леди Карлайл вернулась в свое новое жилище на улице Сен-Дени в два часа ночи. Преданная миссис Уильямс не ложилась, ждала в спальне и клевала носом над рукоделием. Горничных Люси пришлось нанимать в Париже. Английские служанки знали только родной язык, а для полноценной жизни Карлайл требовались бойкие и сообразительные девицы, пусть даже с риском, что будут потихоньку таскать у хозяйки всякую мелочь.

При виде хозяйки пожилая экономка встрепенулась, уронила на пол рукоделие, быстро и внимательно окинула взглядом графиню – все ли с ней в порядке, не обидел ли кто, здорова ли?

– Все хорошо, Уильямс, – расслабленно потрепала ее по руке Люси, – ложись спать. Завтра у нас много дел. Утром придет с визитом молодой человек, его фамилия – де Голль. Скажи Джону: как появится, пусть сразу ведет ко мне.

Джон, лакей, которого лорд Карлайл оставил супруге, бывал с хозяевами во Франции, научился сносно объясняться по-французски и был приставлен к входной двери, чтобы расспрашивать визитеров и докладывать о них.

– Хорошо, миледи...

– На завтрак приготовь что-нибудь легкое. Думаю, морковный пудинг со сливками подойдет...

– Слушаюсь, миледи...

– Да, не забудь отгладить мое шафрановое платье с накидкой!

– Будет сделано, миледи...

– И вот что... Я знаю, Джон привез с собой бочонок шотландского виски. Скажи, пусть нальет мне стаканчик. Молчи! Мне это сейчас очень нужно...

У Люси действительно выдался непростой денек. Сначала она набралась страха, когда вдруг явился господин де Кавуа и без объяснений повез в Пале-Кардиналь. Это могло означать что угодно – и приглашение в гости, и прелюдию к аресту. Если последнее, то закончиться могло очень плохо. Люси опасалась, что ее начнут расспрашивать о сложных отношениях короля Карла с парламентом и о шотландских делах. А в таком случае могло невзначай всплыть имя сэра Элфинстоуна! После знаменательной ночной встречи он приходил еще два раза, чтобы объяснить своей новой шпионке нынешнюю расстановку сил при французском дворе и основательней подготовить графиню к исполнению поручения. Конечно, случись допрос, врать его преосвященству Люси бы не решилась, но запросто могла случайно сказать такое, что хитроумный кардинал догадался бы, для чего леди Карлайл прибыла в Париж... Слава богу, страхи не оправдались. Встреча со всемогущим первым министром Франции завершилась совершенно по-другому, и весьма недурственно, но нервы!..

Виски сделал свое дело. Всего стакана Люси даже не осилила, но наконец успокоилась и легла спать.

Она не учла одного: утро светской дамы и утро конного гвардейца – не одно и то же!

* * *

Анри привык вставать рано. Он совсем недавно был назначен лейтенантом и старался досконально исполнять свалившиеся на голову новые обязанности. В частности, каждое утро заходил на конюшню, чтобы лично присмотреть, как кормят и чистят гвардейских лошадей. Хотя знал, что имеет полное право препоручить сие непривлекательное занятие любому из трех сержантов роты.

Вот и сегодня, убедившись, что все в порядке, Анри пришел к капитану Ожье де Кавуа, начальнику гвардии кардинала, узнать, понадобится ли днем его высокопреосвященству конное сопровождение. Де Кавуа заверил исполнительного помощника, что как раз сегодня его услуги не понадобятся, и велел немедленно отправляться на улицу Сен-Дени, к некоей леди Карлайл, которая даст лейтенанту дальнейшие указания. О дальнейшей же службе де Голлю вовсе не стоит беспокоиться, потому как на сей предмет получены особые распоряжения его преосвященства.

– Поосторожнее с этой дамой, лейтенант, – по-свойски предупредил де Кавуа. – Любит вертеть хвостом. Была лю-

бовницей самого герцога Бэкингема и до сих пор об этом счастье, кажется, забыть не может. А милорд, между нами говоря, ни господам, ни дамам в нежности не отказывал, и список побед у него подлиннее, чем дорога от Парижа до Лондона. Да и лет красавице немало. Сейчас, при утреннем свете, вы сразу ее возраст разглядите.

– Благодарю, господин капитан, – ответил Анри. – К счастью, мое сердце нынче не свободно, так что постараюсь держать эту коварную даму на приличном расстоянии.

– Самое разумное решение, де Голль... – улыбнулся де Кавуа и обернулся на стук шагов. – А, Жакмен, это ты? Что стряслось?

– Из канцелярии его преосвященства принесли, – почтительно доложил слуга, протягивая толстый пакет.

Де Кавуа вскрыл депешу, и у него глаза на лоб полезли.

– Из канцелярии, говоришь?! «Кудрявый ветерок, покинув берег Сены, о вашей красоте поведал мне в тиши, с тех пор моей души страданья неизменны, поскольку я влюблен, а вы так хороши!..» – гробовым голосом прочитал он, медленно наливаясь краской. – Они что там, с ума посходили?!

Бешено вращая глазами, капитан швырнул вынутые из пакета бумажки на стол. Они разлетелись, одна упала на пол возле ног Анри, и он поднял листок.

– Это, оказывается, для меня... – растерянно сказал де Голль. – А послали вам, господин капитан, чтобы вы успели передать это мне.

– Вам-то мадригалы для чего? – остывая, мрачно поинтересовался де Кавуа.

– Понятия не имею. Но его преосвященство, конечно, знает.

– Ну так забирайте! Ишь, «кудрявый ветерок»... Де Голль, а вы в таком вот виде собрались идти к даме?

– Да, мой капитан.

– Это никуда не годится! Вам надо завить волосы. Черт знает что! Весь Париж будет смеяться: офицеры его преосвященства ходят, как нормандские крестьяне, с прямыми волосами!

Анри вздохнул – очень уж он не любил возню со щипцами.

– Это деловой утренний визит, – сказал он. – И даме будет совершенно безразлично, какая у меня прическа. – И поспешно ретировался, пока де Кавуа не придумал еще каких-нибудь способов облагородить его внешность.

* * *

Леди Карлайл после шотландского виски спала младенческим сном. Верный Джон и миссис Уильямс не знали, как быть. Госпожа сама велела сразу впустить к ней молодого человека, но разбудить хозяйку поутру им долго не удавалось. Когда же она проснулась, разом прибавилось хлопот, потому что миледи тут же пожаловалась на тошноту и го-

ловную боль, к ним прибавились жажда и спазмы в желудке. И пока слуги отважно боролись с господским похмельем, де Голль терпеливо ждал.

Сперва ему нашлось чем заняться. Он с раздражением вспоминал свой разговор с толстой и неопрятной теткой, которую обнаружил в кабачке «Шустрый кролик». Анри помчался туда сразу после разговора с отцом Жозефом. Как и следовало ожидать, толку он не добился. Тетка не говорила, а вопила. Если отбросить все нелестные эпитеты в адрес «невоспитанного господина», пришедшего смущать и уличать неизвестно в чем честную вдову, то, по уверению ушедшей тетки, хозяин «Шустрого кролика» три дня как уехал в Орлеан по семейным делам, повар тогда же сломал ногу, а смазливая подавальщица Жанна тогда же сбежала с любовником в Англию. Из немногих членораздельных фраз, которые удалось разобрать лейтенанту, выходило, что заведение все эти три дня было закрыто, а сама вдова пришла, чтобы навести порядок перед приездом хозяина.

Нужно было расспросить еще жителей соседних домов, но де Голль потратил на крикливую тетку слишком много времени и к тому же спешил в Пале-Кардиналь. Ведь хотя отец Жозеф и обещал, что на время розыска лейтенант будет избавлен от своих служебных обязанностей, никакой официальной бумаги на сей счет он так и не получил...

И вот теперь Анри оказался на неудобном, шатком стуле в углу полутемной маленькой гостиной и с ужасом ду-

мал о том, что может просидеть там и два, и три часа, пока капризная англичанка соблаговолит выбраться из постели, причесаться, накраситься и зашнуроваться. А ведь это время можно было потратить с большей пользой!

Чтобы хоть как-то развлечься, де Голль достал пачку листов с мадригалами и попытался проникнуться духом поэзии. Однако все эти «кудрявые ветерки», «ангелы сердца» и «цветы души» скоро совершенно перемешались в голове бедного лейтенанта, он не мог взять в толк, для чего ему передали эти вирши. Но больше заняться было нечем.

Он в восьмой раз перечитывал мадригалы, когда в гостиной наконец появилась хозяйка дома. Она вышла к гостю в домашнем платье и чепчике, а ведь так принимают только давних друзей.

– Сидите, месье, – вяло махнула она рукой вскочившему Анри. – Вы ведь лейтенант де Голль?

– Анри Гийом де Голль, к вашим услугам, миледи.

Люси Карлайл со стоном схватилась за лоб обеими руками.

– Уильямс! – крикнула она. – Немедленно свари мне шоколад, как ты умеешь! Две чашки, Уильямс!.. Может быть, горячий шоколад спасет меня... – добавила почти шепотом и в изнеможении оперлась одной рукой о стол.

Это лакомство привезла в Париж Анна Австрийская. В Испании, где росла будущая королева Франции, к шоколаду уже привыкли, парижане тоже быстро распробовали ди-

ковинку. А Люси пристрастилась к нему, когда сопровождала лорда Карлайла в бытность его посланником при французском дворе. Тогда он и лорд Холланд вели переговоры о браке Карла Стюарта и сестры французского короля Генриетты. В той же поездке случилась странная история с кормилицей Уильямс – почтенная женщина, вынянчившая Люси, едва не обвенчалась с каким-то испанским голодранцем. Голодранца, конечно, из Парижа быстренько убрали, но на память о бурном романе расстроенной Уильямс остался особый рецепт горячего шоколада. Помимо сахара, ванили и мускатного ореха несостоявшийся жених добавлял в напиток крошечное, на кончике ножа, количество молотого красного перца и утверждал, что якобы так в давние времена шоколад готовили в Америке.

– Три чашки, Уильямс! – снова воззвала Люси и страдальчески посмотрела на лейтенанта. – Вы ведь не откажетесь от горячего шоколада, месье?

– Не откажусь, миледи. – Де Голль тоже был наслышан о вкусном напитке, однако попробовать его до сих пор не доводилось. В трактирах лакомство не подавали, а в светские салоны и на торжественные приемы лейтенант не был вхож, да особо и не стремился, стесняясь своих армейских манер.

– Тогда пересядьте сюда.

В руках Анри по-прежнему держал листки с мадригалами. Он положил их на стол, и Люси сразу же схватила верхний лист.

– Прелестно, прелестно!.. – пробормотала она. – Месье, да вы истинный поэт!

– Это не мои стихи, миледи, – честно признался де Голль. И тут англичанка впервые взглянула ему прямо в глаза.

– Это *ваши* стихи, – отдельно произнесла она. – Ваши. До сих пор вы скрывали от света, что сочиняете такие прелестные мадригалы. Но хватит скромничать! Скоро весь Париж узнает о ваших многообещающих дарованиях!

– Я никогда не писал стихов, а эти попали ко мне случайно... – попытался сопротивляться Анри, осознав наконец, во что его втягивают.

– Так все говорят, пока не услышат первые комплименты, – вымученно улыбнулась Люси и насторожилась, услышав донесшийся со стороны лестницы голос. – Кто там, Джон? – громко переспросила она. Слуга повторил, но опять неразборчиво.

– Месье, подите, взгляните, кого там принес дьявол... – снова схватившись за виски, попросила графиня.

Анри с готовностью вышел на лестницу и перегнулся через перила.

Внизу, уже откинув капюшон накидки, стояла женщина, с которой лейтенант совершенно не желал бы встречаться, особенно здесь. Это была фрейлина королевы Анны – Мадлен д'Анден дю Фаржи.

Об этой даме рассказывали такое, что поверить было мудрено. Якобы его преосвященство, решив добиться любви

самой королевы, выбрал дю Фаржи в посредницы, причем завел амуры и с ней! До правды де Голль докапываться не стал – его мало беспокоили шашни кардинала, но склонность Мадлен к интригам и сплетням была ему хорошо известна.

Дю Фаржи иногда приезжала к де Мортмарам вместе с Катрин и теперь наверняка донесет возлюбленной лейтенанта о том, что поклонник с утра пораньше сидит у какой-то сомнительной англичанки! Если кавалер с утра наносит визит, не закрутив локоны по всей голове, то вывод может быть только один: никакой это не визит! Просто кавалер провел ночь в этом доме и даже не пытается скрыть своей амурной победы.

– О, это вы, господин де Голль?! – изумилась фрейлина.

– Я, мадам, – сухо кивнул ей Анри. – Прошу вас подняться сюда. Леди Карлайл в гостиной. – Вернувшись в комнату, он сообщил Люси: – Там пришла мадам дю Фаржи. Я не хочу мешать вашей беседе, я лучше уйду.

– Черти бы ее побрали!.. Уильямс, четыре чашки! – рассерженно приказала англичанка. – Месье, вы никуда не уйдете. Наоборот, эта болтушка явилась как нельзя кстати.

В этот момент госпожа дю Фаржи поднялась в гостиную, дамы расцвели дежурными улыбками и обнялись.

– О, Мадлен! Вы сегодня неотразимы!..

– А вы, моя милая, само очарование!.. Я, как и обещала, с ранним визитом. – Фрейлина скромно присела на подстав-

ленный де Голлем стул. – Вы сами просили: без китайских церемоний...

– Вы даже не представляете, как я вам рада! – воскликнула леди Карлайл, тоже присаживаясь напротив гостя. – У меня сегодня прекрасное утро: шоколад, поэзия и красавица...

– Поэзия? – удивилась дю Фаржи. То, что ее называли красавицей, фрейлину не смутило – она все еще считала себя прехорошенькой.

– Да, вообразите! Господин де Голль посвятил мне дивный мадригал! Вот, вот... – И Люси прочитала четверостишие, изображая полнейший восторг: – «Кудрявый ветерок, покинув берег Сены, о вашей красоте поведал мне в тиши, с тех пор моей души страданья неизменны, поскольку я влюблен, а вы так хороши!..»

– Господин де Голль посвятил мадригал вам?!

– Конечно, мне. А что вас так смущает, милочка? У него и другие стихи есть. Он ужасный скромник и до сих пор никому не показывал свои опыты...

Анри стоял – ни жив ни мертв. Он понятия не имел, как в таких случаях следует возражать обнаглевшей аристократке. Ну не хамить же ей, в самом деле? Но и терпеть явные издевательства сил не оставалось. Однако военная привычка подчиняться приказам взяла верх над самолюбием, и де Голль, скрипя зубами, продолжал изображать скромнягу лейтенанта, обласканного светской львицей.

– Вы ведь не откажетесь от чашки шоколада? – продолжала щебетать леди Карлайл. – Я знаю Париж! Париж не любит скучных гостей. Я – бедная английская провинциалка, мне нечем похвастаться в отеле Рамбуйе... Конечно, маркиза принимает меня, но скорее из почтения к моему титулу. Зато сегодня вечером будет мой триумф! Я привезу замечательного поэта – это мое открытие, это моя гордость! Я уверена: в отеле Рамбуйе сумеют оценить мою находку! – И Люси, схватив пачку мадригалов, потрясла ими с видом Зевса, мечущего во врагов молнии.

Салон Катрин де Вивон, маркизы де Рамбуйе, процветал уже более двадцати лет и все это время был местом, где собирались самые видные литераторы и философы Парижа. Сама маркиза, разумеется, постарела, но в салоне теперь блистала ее дочь Жюли. Жили обе дамы поблизости от Лувра, в особняке Пизани, который теперь все называли отелем Рамбуйе. Ришелье поневоле терпел это гнездо вольнодумцев. Впрочем, вольнодумцев умеренных и даже грациозных, поскольку грубости и пошлости ни Катрин, ни Жюли не потерпели бы. Более того, маркиза во всеуслышание объявила, что не желает бывать при дворе из-за придворных интриг, и в свой салон их не допускала. В отеле Рамбуйе возвели в высочайшую степень искусство светской беседы, обожали игру утонченного ума, придумывали изысканные забавы.

Анри ни разу не бывал в гостях у маркизы. Честно говоря, он туда и не стремился, понимая, что обречен сидеть в углу

и молчать, слушая высокопарные речи. Потому замысел леди Карлайл его ужаснул.

Он догадался, для чего придуман хитрый ход со стихами. Но понял он и другое: когда сочинитель гадких песенок будет опознан и пойман, лейтенант де Голль, громко заявивший о себе дюжиной мадригалов, но не написавший более ни одной строки, станет посмешищем. И что же тогда скажет его возлюбленная Катрин? Как объяснить ей эту нелепую историю?

А тут еще старая интриганка дю Фаржи смотрит, прищурившись, как будто желает сказать: «А я знаю, господин лейтенант, отчего вы с утра пьете шоколад у англичанки!»

«Излишнее рвение может наделать бед, – сделал печальный вывод Анри. – Ничего бы не случилось, если бы ты не понесся к графине Карлайл прямо из Пале-Кардиналь, а по дороге зашел бы часика на два к Мортмарам, чей душистый тизан⁸ из мяты, меда и лимона точно так же хорош и сладок. И не пришлось бы теперь ломать голову, как оправдаться перед Катрин де Бордо...

---

⁸ Тизан – *фр.* Tisane – травяной чай; был очень популярен во Франции вплоть до конца XVII века, пока его окончательно не сменила мода на горячий шоколад, а чуть позже – на кофе.

Глава четвертая, в которой лейтенант де Голль продолжает поиски зловредного куплетиста, а находит нового друга

Поскольку отец Жозеф присоветовал посетить «Бургундский отель»⁹ и поискать дерзкого сочинителя на сцене, Анри послал своего старого слугу Бернара узнать, есть ли вечером представление, а если есть – какую пьесу дают. Логика в совете капуцина имелась – скрипуче-хриплый голос Анри мог слышать именно в театре.

Труппа «Бургундского отеля» под руководством мэтра Бельроза успешно ставила и фарсы Тюрлюпена, и трагикомедии Арди¹⁰. Однако, когда господин Бельроз покусился на жанр трагедии, парижская публика решительно сказала «нет». Логически рассуждая, актеру с хриловатым голосом самое место как раз в фарсе. Впрочем, комедианты как раз

---

⁹ Крупнейший драматический театр Парижа в XVII веке и первый стационарный театр Франции.

¹⁰ Бельроз (Пьер де Лемессье, 1602–1670) – актер и режиссер труппы «Бургундского отеля» с 1628 года. Александр Арди (1570–1632) – поэт и драматург, работал в жанрах трагикомедии и трагедии, умер от чумы на юге Франции. Тюрлюпен (Анри Легран, 1583–1634), актер и комедиант, работал в труппе «Бургундского отеля» в жанре фарса и балагана.

необязательно выступали именно в театре, чаще где-нибудь в людных местах – у моста Понт-Нёф, например. Конечно, сейчас только начало марта и даже днем на улице весьма сыро и промозгло. Так что шансов найти актера под крышей все же больше...

Бернар вернулся спустя пару часов и, подставляя по очереди бока к пылающему камину, доложил:

– Будут фарсы, ваша милость. И первой покажут «Лохань», старую добрую «Лохань», которая, почитай, лет сто всем театрам сборы делает!¹¹

– Отлично! – воскликнул Анри. – А теперь дай-ка мне поесть.

Он завел свое маленькое хозяйство не столько ради себя, сколько ради Бернара. Старик, служивший еще его отцу, имел слабый желудок, и заставлял его питаться в кабачках или брать невесть какие сомнительные лакомства у разносчиков было просто жестоко. Бернар, со своей стороны, очень желал услужить молодому хозяину, и если бы не это хозяйство, чувствовал бы себя дармоедом.

Он нашел местечки, где можно брать хорошее – не разведенное – вино, где за разумные деньги можно приобрести вкуснейший копченый свиной окорок, потом уговорился с одним крестьянином из Версаля, разводившим птицу, и те-

---

¹¹ «Лохань», или «Фарс о лохани» (*фр.* La Farce du Cuvier) – анонимный французский фарс XV века (1490-е гг.). Состоит из 332 восьмисложных стихов. Неоднократно издавался в XVI и XVII веках.

перь тот раз-два в неделю присылал то пару цыплят, то каплуна.

Вот и сейчас старый валет¹², с тихой гордостью выставил на стол блюдо с половинкой жареного цыпленка, другое – с куском пирога, известного в Париже как «гасконский киш»¹³, и третье – с куском печеночного паштета, начиненного фисташками. Естественно, появилась и бутылка вина – недорогого, но приятного пенистого вина из Лиму.

– Оденьтесь попроще, ваша милость, – посоветовал Бернар. – Вот, я вам скромные подвязки приготовил, штаны без галуна. И кошелек с собой не берите.

– Хорошо, старина, – благодушно усмехнулся де Голь, – но пару су заплатить за вход ты мне позволишь взять?

– Ах, ваша милость, у этих комедиантов всякое случается! Сосед недавно рассказывал: пуговицы у него там срезали, а он и не заметил...

«Бургундский отель» лишь лет восемь назад обзавелся собственной труппой, которую тогда возглавил мэтр Вальран Лёконт. До того в театре выступали бродячие актеры, и всякий раз поход для ценителя искусства в это заведение был сущей лотереей: поди угадай, что тебе выпадет – отличный спектакль или убожество, достойное града из тухлых яиц.

---

¹² Валет – личный слуга.

¹³ Фруктовый пирог из слоеного теста.

Де Голль бывал в «Бургундском отеле» неоднократно. Не обзаведясь дурной привычкой многих своих приятелей по службе – пьянствовать и буянить в свободное от войны время, Анри постоянно искал тем не менее, чем бы заняться. Любовные приключения и охота, конечно, скрашивали однообразный военный быт, но молодому дворянину хотелось чего-то необычного. Любимое с детства чтение книг было трудноосуществимым, ибо раздобыть в походных условиях хоть что-то увлекательное, кроме Библии, не представлялось возможным. Но во время осады Ла-Рошели, на зимних квартирах в Беноне де Голль увидел выступление актерской труппы из Пуатье и... заболел театром! А уж когда попал в Париж и обнаружил, что в городе существуют аж три театра, то стал заядлым театралом, хотя и смотрел все подряд...

В нынешнее посещение «Бургундского отеля» Анри повезло по двум причинам: во-первых, фарсы оказались развеселыми, а во-вторых, Париж в последние годы все увереннее завоевывали итальянские комедианты, выступавшие в масках, и если загадочный сочинитель примкнул к ним, лицо его будет надежно спрятано. Остается только голос.

В зале «Бургундского отеля» уже вовсю готовились к представлению: спустили на канате большие люстры и зажгали свечи, мели пол на сцене и в партере, наводили порядок в ложах боковых галерей.

– Добрый вечер, господин де Голль! – весело раздалось

откуда-то справа.

Повернув голову, Анри увидел невысокого молодого человека самой гасконской наружности – один нос с горбинкой служил лучше всякого подтверждающего документа.

– Добрый вечер, господин Ротру, – любезно ответил де Голль.

Он часто встречал этого человека в Пале-Кардиналь. Его преосвященство постоянно держал при себе несколько литераторов, платил даже им жалованье – еще одна, пока не разгаданная Анри причуда кардинала. Драматург Жан Ротру¹⁴ был одним из «облагодетельствованных».

– Хотите, проведу вас в ложу? – предложил Ротру. – Сегодня весь день репетировали мою «Прекрасную Альфреду». Это было ужасно! Кажется, я не доживу до премьеры... Может быть, «Лохань» вернет меня к жизни? Кажется, раз десять ее видел, а смеюсь, как мальчишка!

– Ближе ли к сцене ваша ложа? – заинтересованно спросил Анри. Идея показалась удачной: пусть он и не разглядит в подробностях лиц, зато голос уж точно дойдет до его ушей в первозданном виде, без помех!

– Да чуть ли над сценой нависает. Пойдемте, сейчас начнет собираться публика. Вы же знаете: в партере вечная давка, всякий норовит ткнуть тебя локтем в печеньку. И воров-

---

¹⁴ Жан Ротру (1609–1650) – французский драматург и поэт. В середине XVII века его пьесы пользовались огромным успехом; творил в основном в жанре трагикомедии и комедии в испанской традиции; пользовался большим покровительством Ришелье.

ство! Нарочно учат детишек, чтобы они ползали между ногами у кавалеров и срезали кружева со штанов. Ловить бесполезно!

– Охотно принимаю приглашение, – немного поспешно ответил де Голль. Он прекрасно изучил нравы «Бургундского отеля» за последние полгода посещений театра.

– Между прочим, – заговорщицки понизив голос, заговорил Ротру, едва они расположились в ложе, – мэтр Бельроз отказался в этом сезоне ставить «Лохань»! Так что сегодня будем смотреть, можно сказать, кота в мешке.

– Как же так?! – почти искренне посетовал Анри. Он отчаянно пытался устроиться в неудобном кресле с прямой деревянной спинкой. И какой дурак придумал, что кресло удобнее стула? Разве что подлокотниками? Но стул хотя бы легче, и его можно двигать, как вздумается, или вовсе оседлать. – Кого же мы в таком случае увидим на сцене?

– Не волнуйтесь, господин де Голль, – Ротру сноровисто извлек из неприметного сундучка в углу ложи две ковровые подушки, одну протянул лейтенанту, другую уложил на сиденье своего кресла. – Мэтр Бельроз великодушно разрешил показать «Лохань» труппе господина Дюфрена. Это весьма талантливый, хотя и еще очень молодой актер и антрепренер из Аржантана. Его светлость герцог Эпернон, большой поклонник театрального искусства, предоставил Дюфрену такую возможность и свое покровительство. И представьте, это юное дарование уже умудрилось завлечь в труппу Жозе-

фа Бежара!

– Ну, надо же, какой пронырливый! – поддакнул Анри, устраиваясь с комфортом на подушке и понятия не имевший, кто такой этот Бежар. В общем-то, выходило, что он пришел сюда зря, в смысле, что вряд ли куплетист состоит в труппе господина Дюффрена. «Ладно, хотя бы повеселюсь!» – подбодрил себя де Голль и благодушно продолжил слушать болтовню драматурга.

Вскоре партер заполнился гудящей и бормочущей публикой. Кто-то громко обсуждал достоинства театра, где-то извинялись за отдавленные ноги, в дальнем углу уже кого-то били, а несчастный орал «это не я!»; в ложах рассаживались театральные дамы в масках и откровенных декольте, целомудренно прикрываемых веерами, но скамейки на сцене, перед самым раздвижным занавесом, все еще оставались пусты.

– Черт бы побрал того, – ворчал Ротру, – кто выдумал это светское правило: приходите, когда спектакль уже начался! Я бы самолично казнил мерзавца на Гревской площади!

– Того, кто выдумал, что аристократам следует сидеть прямо на сцене, тоже бы не мешало отправить на эту площадь, – добавил Анри. – Если бы они хоть молчали!..

– Увы! Без этих господ никак нельзя. Они делают пьесе имя! – тоскливо вздохнул драматург.

– Тем, что перебивают актеров и хватают за руки актрис? – возмутился де Голль. – Или тем, что сбивают сапогами саль-

ные свечи на рампе?.. Помяните мое слово, господин Ротру, они когда-нибудь театр подожгут!

– Неизбежное зло, месье... Бог им судья... – покачал головой драматург и тут же самодовольно прищелкнул пальцами. – Зато при дворе все знают наш репертуар!

Суета в партере продолжалась еще некоторое время. Наконец за сценой ударил дежурный колокол. Занавес рывками пополз в разные стороны, покачнулся подвешенный над сценой посередке королевский герб – огромный и довольно скверно намалеванный, так что ангелы-щитодержатели ухмылялись на манер легкомысленных девиц, а гербовый щит Франции с золотыми лилиями отчего-то казался меньше красного щита Наварры.

Всю середину сцены занимала главная героиня фарса – огромная лохань для стирки белья. Прочие декорации отсутствовали, да они и не нужны были, поскольку все действие пьесы крутилось исключительно вокруг лохани. Вышли и поклонились публике исполнители: уже упомянутый Ротру Бежар – молодой человек, скуластый, горбоносый и светлоглазый, как большинство нормандцев, его партнерша – женщина не первой свежести, но еще вполне привлекательная, и непонятно кто, в женском платье с толщинками и чепце.

Заиграли скрипачи, запела флейта, ей глуховато вторил рожок. Спектакль начался.

Публика знала фарс чуть ли не наизусть, и, когда жена

с тещей приказали главному герою, мужу-подкаблучнику, дополнить список его домашних дел, зал несколько раз подряд дружно проорал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.